

ЕВА и МАГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

Последний
сторож

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

Ева и Магические существа

Дмитрий Емец
Последний стожар

«Емец Д. А.»

2021

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Емец Д. А.

Последний стожар / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2021 — (Ева и Магические существа)

ISBN 978-5-04-115768-5

Магический мир отделяет от обычного стена настолько тонкая, что порой она становится проницаемой. Есть Москва и есть Магсква – и миры эти совсем рядом! С Евой Деятой никогда не происходило ничего необычного: живёт с мамой, учится в школе. Но однажды при стечении очень странных обстоятельств Ева попадает в другой мир... С джиннами – водителями такси, с гномами, работающими в автомастерской, с русалками, драконами и другими мифическими и сказочными существами. Оказывается, Ева обладает необыкновенной способностью общаться с этими самыми Магическими существами, а те бескорыстно дарят ей свою магию. И всё бы ничего, только Евино появление в мире магии не осталось незамеченным и девушку вот-вот сцапает магическая полиция! В такой ситуации не обойтись без друга и союзника. И этим союзником оказывается очень странный парень – стожар Филат, главный жизненный принцип которого – идти против всех. А в таком случае можно ли ему вообще доверять?

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115768-5

© Емец Д. А., 2021
© Емец Д. А., 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дмитрий Емец

Последний стожар

© MicroOne, Lisa Kolbasa, Hulinska Yevheniia, Andrey_Kuzmin / Shutterstock.com

© Pavel Ignatov / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Емец Д., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ЕВА и МАГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

Последний
стожар

Москва
2020

Глава 1

«За жизнь посетителей Магзо ответственности не несёт!»

Мы вначале имеем интеллектуальный замысел. И наша задача – опустить его в область сердца, не задерживаясь по дороге в области мозга.

Ингмар Бергман

Перед тем как выскользнуть из колонны на «Новокузнецкой», Филат долго выжидал. Выскользнуть надо было в строго продуманный момент. Ни в коем случае не тогда, когда кто-то смотрит на колонну, но и не тогда, когда у колонны никого не будет, – а то может сработать опознающая магия: ведь магзели всегда внимательно следят за теми, кто появляется из Подземья. Лучше всего появиться в момент, когда пространство между колоннами заполняет толпа, спешащая из вагона или в вагон. Все торопятся, все толкают друг друга, и мало кто обратит внимание на худощавого юношу, вышагнувшего прямо из светлого прохоро-баландинского мрамора. Ну толкнут его сердито плечом, да и все дела. Да и никакая магия толком не посчитает, сколько людей между колоннами – двадцать или двадцать один.

Дождавшись, пока придёт очередной поезд, Филат ловко пристроился к хлынувшим из него пассажирам, ухитрившись не привлечь ничьего внимания. Разве что маленькая девочка, сидевшая на руках у папы и потому смотрившая назад, увидела, как какой-то парень протискивается сквозь мрамор колонны. Девочка распахнула глаза, задохнулась от удивления и попыталась что-то объяснить папе, но папа лишь рассеянно обернулся, дёрнул головой и проследовал к эскалатору.

Филат ещё некоторое время покрутился на «Новокузнецкой». Осматривался, принюхивался, приглядывался. Включил всё своё чутьё. В каждой трещине могла таиться опасность, и чтобы уцелеть, надо было заметить всё.

Камни только кажутся мёртвыми и неподвижными. На самом деле они тоже живут своей жизнью. Тоже двигаются и меняются, только невероятно медленно. Если за несколько дней мраморные плиты станции НИКАК не изменились – не отбилась краешек, не добавилась где-нибудь высоко неприметно тонкая, как волос, трещинка, – то это не плиты, а ловушки или тайная панель, такая же, как та, из которой появился он сам.

Но нет. Всё было нормально. Как будто нормально. Совсем хорошо. Если бы не странное щекочущее чувство тревоги.

Филат доехал до «Тверской», перешёл на «Пушкинскую» и, убедившись, что хвоста за ним нет, сел на поезд в сторону «Щукинской». На первом же перегоне поезд внезапно встал в тоннеле и свет в вагонах погас. Пассажиры не слишком взволновались – остановка поезда по техническим причинам была делом обычным, но Филату это не понравилось. Он заметил несколько зеленоватых искр, скользящих по толстой оплётке кабелей тоннеля.

Кто-то явно следовал за поездом. Золотое правило стожаров гласило, что предчувствиям надо верить. А ещё больше верить внутреннему смущению, которое всегда указывает, что ты на ложном пути и собираешься сделать что-то не то. Сейчас это смущение было особенно сильным.

В другое время Филат вернулся бы в убежище и оставался бы в нём, пока на светофоре его интуиции не загорится зелёный свет, но сегодня, к сожалению, он не мог этого сделать.

Ему дали всего один день.

– Станция «Баррикадная», – объявил механический голос.

Пассажиры заспешили к выходу. Филат стоял в проходе и всем мешал. Какая-то женщина сердито толкнула его сумкой в спину. В сумке лежали большая красная косметичка, жёлтый шёлковый шарф, шариковая ручка, зарядное устройство для телефона и книга «Японский сад», заложенная календариком на сто восьмой странице. Филат безошибочно уловил это спиной. Стожары это умеют. Несложный навык.

– Молодой человек, вы что, выходить не будете? – раздражённо спросила женщина.

«Ещё одна подсказка», – подумал Филат. Если бы ему действительно нужно было выходить, женщина спросила бы: «Вы выходить будете?»

– Буду! – ответил он и вышел, наплевав на все свои правила.

Потом поднялся в город. Электронные часы на станции показывали 13:13. Филат терпеть не мог этого сочетания цифр.

Сунув руки в карманы, Филат шёл вдоль ограды Московского зоопарка. По всем углам и на столбах были понатыканы камеры. В последние годы Магсква стала городом следящих видеокамер. Сколько их? Больше чем по камере на человека или пока всё же меньше? Хотя если вспомнить, что камеры есть у всех телефонов и ноутбуков, то гораздо больше. Вот только человеческих камер Филат не опасался, хотя в розыске находился добрых шесть лет из своих шестнадцати. На нём была бейсболка случайных мороков. Филат и сам не знал, на кого сейчас похож: на старушку, на трёхлетнего карапуза или на толстяка с одышкой, который, поднявшись из подземного перехода, вертит головой, соображая, куда идти дальше.

Под камерами Филат мог прогуливаться часами – даже в случае, если магзели подключены к человеческой системе наблюдений. Никогда не стоит считать своего противника глупым. На этом прокололась масса магов с интеллектом выше среднего. Когда ты считаешь кого-то болваном, жизнь сразу доказывает тебе, что болван здесь только один – это ты сам. Особенно в бою или когда от кого-то скрываешься. Никто не будет лезть через главную дверь, когда рядом – а лучше даже и не рядом – есть удобное окно, и никто не станет забегать в комнату, перед этим не швырнув туда оглуляющего и ослепляющего заклинания. Если хочешь выжить – надо представлять, что сделал бы ты сам, если бы был своим противником и выслеживал себя.

В этом одна из множества граней искусства стожаров.

Жаль, что Филат не всегда тщательно изучал это искусство. В десять лет он неудачно погорел на попытке кражи яблока гесперид. Нет, он украл это яблоко, оставив взамен подходящий чек из супермаркета, в котором, среди нескольких законно совершённых покупок, значился товар с названием «золотое яблоко», что позволило одурачить охранную магию. Жаль, что он вовремя не обнаружил прикреплённую к яблоку гесперид следящую паутинку и магзели запаковали его на выходе.

Что было дальше, Филат помнил очень ярко. Хрупкая мама, с рассечённым лбом, очень бледная, держит в руке парковочный столбик с куском бетона. Рядом валяется разбитый вдребезги атлант, а уцелевшие магзели отползают, буквально вжимаясь в асфальт. Никогда не ссорьтесь со стожарами, когда они очень злы. И когда не злы, тоже не ссорьтесь.

– Пойдём отсюда, быстро! – сказала мама, надевая тёмные очки.

– Ты их побила? Ты уложила всех этих атлантов и магзелей?

– Так случайно получилось. Они были плохо подготовлены... Идём!

А потом начались чёрные дни. Мама в тот раз использовала слишком много магии. Больше, чем у неё было. Ушла в минус и долго болела. Никогда нельзя уходить по магии в минус. Включается режим кредитования, и ты платишь всемеро больше, чем взял займы.

Почему так происходит, никто толком не знает, и кто забирает эти огромные проценты, тоже неизвестно. Хотя версий, конечно, десятки.

В те годы стожаров оставалось уже только двое – он и его мама. А потом... потом, к сожалению, случилось много тяжёлого, о чём и вспоминать не хочется.

Филат шагал – хищный, ловкий, чуть прогнутый назад, как гимнаст, – поглядывал сквозь ограду зоопарка на пруд с кучей птиц и посмеивался про себя. Пруд и уточки! Многие люди специально приходят, чтобы на них посмотреть. Знали бы они, что там на самом деле, – бежали бы со всех ног.

Там, за оградой, находится Магзо – место для многих желанное, но исключительно опасное. Магзо – тщательно охраняемая территория, где берегутся последние уцелевшие древние существа, хранящие остатки магии первомира. В этом пруду с уточками, например, обитают три водных дракона. Два дракона похожи на ящеров с длинными шеями. Тела обтекаемые, и конечности приспособлены для плавания. Крылья тоже, кстати, есть, но маленькие и тоже для плавания. Как правило, водные драконы – существа смиренные и флегматичные, но если им что-то не понравится, могут облить кипятком или обдать раскалённым паром. А не понравиться им может... Ой! Какой у вас яркий зонтик! Он мне не нравится!.. Пшшшшш! – и струя кипятка, окутанная паром. А вы специально нацепили такой серый плащ, чтобы притвориться куском грязи и подобраться ко мне поближе, да? Пшшшш!

Третьего дракона вообще никогда не видно. Он лежит на дне, похожий на громадный камень, и почти не шевелится. Плавает он плохо, медленно, а кожа покрыта ужасными слизистыми буграми, на которых любят селиться водоросли. Это для маскировки. Вам дракона не разглядеть – зато он различает вас даже сквозь мутную воду, можете не сомневаться. Для этого ему даже не надо вращать головой. Взгляд у него как у рыбы – панорамный, сразу во всех направлениях. А ещё у дракона длинный, примерно тридцатиметровый, язык, и выстреливает этот язык прямо сквозь воду с такой скоростью, что вода начинает кипеть от трения – а язык обвивает вас и утаскивает на дно.

Сотрудники Магзо, как всегда, ни при чём. Они воткнули в берег крошечную табличку **«Не приближаться! За жизнь посетителей Магзо ответственности не несёт!»** и чуть что – ссылаются на неё. Но ведь прочитать-то эту табличку можно, только уткнувшись в неё носом, то есть уже тогда, когда двум драконам ты можешь сильно не понравиться, а третьему, вечно голодному, напротив, очень понравиться.

Но люди ничего этого не знают. Сквозь ограду видно, как они преспокойно гуляют у пруда, нороя, несмотря на запрет, бросить уткам корм. И, говоря по правде, ничем не рискуют. Чтобы из Московского зоопарка попасть в Магзо, им самим нужно содержать в себе хотя бы немного жёлтой или зелёной магии, а кроме того – знать место, где эту магию нужно применить. Два пространства здесь сведены в одно, но между ними есть тонкая граница, мешающая пространствам слиться. И сила этой границы такова, что прорвать её едва ли сможет даже Фазаноль.

Стоило стожару вспомнить про Фазанюля, как настроение у него испортилось так резко, словно кто-то, подкравшись сзади, вылил на него ведро ледяной воды. А дальше пришли сразу две мысли: первая – Фазанюль всё равно обманет. И вторая: если он опять обманет, то это последняя его работа на Фазанюля.

Филат почти приблизился к главному входу в зоопарк, когда тяжеленная крышка канализационного люка перед ним выстрелила вверх с такой силой, что превратилась в крошечную точку, потом вернулась, грохнулась на асфальт, оставив вмятину, несколько раз подпрыгнула и, закатившись в лужу, зашипела. И было с чего зашипеть: крышка была раскалена докрасна.

Филат слишком долго смотрел на крышку, и это было ошибкой. Когда он вновь перевёл взгляд на люк, возле него, скрестив на груди руки, стоял огненный человек. Ростом он был не выше восьмилетнего ребёнка. У огненного человека было несколько контуров. Центральный

контур – оранжевый, потом красновато-коричневый, дальше белый и, наконец, светло-жёлтый. Филат попытался осторожно обойти его. Огненный человек покачал головой и, протянув руку, взметнувшуюся как длинный сердитый язык пламени, преградил ему дорогу. Филат остановился. Тогда огненный человек вырос метров до трёх, заполнив собой всё пространство, сухо лопнул и рассыпался искрами. Множество искр слилось в одну красную точку, которая взвилась в небо и исчезла.

Остывающий люк продолжал шипеть в луже. Вода, испаряясь, превращалась в пар, сгущающийся в нечёткие буквы: **«НЕ ХОДИ ТУДА. ВЕРНИСЬ»**.

Рядом уже суетились люди. Кто-то спрашивал у Филата, не ушибло ли его крышкой, другие заглядывали в люк. Третьи порывались звонить дорожным службам. Филат осторожно затерялся в толпе и, развернувшись, направился обратно к переходу. Бейсболка со случайными морочками оставалась на нём – даже забавно, как очевидцы будут его описывать? Кто-то опишет старика, кто-то – ребёнка, кто-то – женщину. И, конечно, никого не найдут.

Но вот огненный человек – плохой, очень плохой знак. Огненный человек – это элементаль огня. А когда тебя о чём-то предупреждает элементаль, лучше его услышать, пока он предупреждает по-хорошему. Значит, и те искры в тоннеле метро ему не привиделись.

Филат ещё и дела никакого не сделал, даже за ограду Магзо не проник, а ему уже объяснили, что предпринимать ничего не стоит. Уходи по-хорошему, стоjar! Ты не понимаешь, во что влезаешь! Не связывайся с Фазанолем, что бы он тебе ни обещал!

В большой урне, до краёв наполненной мусором, кто-то завожился. Филат подумал, что крыса. Но лишь в первую секунду. Выснулась белая рука с тонкими мягкими пальцами, а затем похожая на редьку голова с огромными глазами. Существо выглядывало из урны, так ловко прикрытое смятыми газетами, что видел его только стоjar.

Немигающие глаза неотрывно глядели на него. Филат попытался ответить взглядом на взгляд, но сразу же спохватился, что на нежить смотреть нельзя. И уж тем более зрачок в зрачок. И уж на эту нежить – точно. Всего на мгновение он соприкоснулся с ней взглядом – и теперь перед глазами плясали белые выжженные пятна.

Перед ним была кикимора – причём из опаснейших. Если кто-то говорит «кикимора» и потом начинает глупо смеяться, то, как правило, это не является признаком большого ума. Шутки про бензопилу смешны лишь до того момента, пока они остаются шутками.

Кикимора протянула руку, показала на зоопарк и отрицательно покачала в воздухе мягким пальцем. Вслед за тем рука втянулась в урну и исчезла, а секунду спустя туда же нырнула и голова. Бумага перестала шуршать. Опыт подсказывал Филату, что кикимору среди мусора можно уже не искать: её там больше нет.

«Теперь ещё и сказочники угрожают. Будто мне одних элементарей не хватило», – мрачно подумал Филат и потёр глаза. Зрение мало-помалу возвращалось.

Кикимора была сказочницей. К *сказочникам* также относились домовые, лешие, банники, русалки, болотницы, полевики и ещё куча всяких мелких древних духов. Конфликтовать с ними было нежелательно. Магия сказочников не просто опасна. Любой маг-человек должен обучаться магии с детства, и обучаться долго. Магзелям же, мало того что они обучаются, ещё выдают на службе боевые артефакты – искромёты, волшебные палицы с шипами и т. д. Волшебная палочка английских магов – это прекрасно, эстетично и чудесно. Можно ковырять палочкой в ухе и получать эстетическое наслаждение. Или превратить лягушку в жабу, а жабу в лягушку. Разницу всё равно поймёт только один человек из ста, хотя разница эта колоссальна. Но давайте сойдёмся в бою, когда у вас будет лёгкая и прекрасная волшебная палочка, а у меня – восьмидесятисантиметровая волшебная палица с литым кольцом-набалдашником, и посмотрим, кто кого переколдует.

Сказочникам всего этого не нужно. Для них магия как дыхание. Сказочнику не приходится учиться, чтобы наложить на кого-то сглаз. У них любой крохотный лешачок владеет

всеми навыками, которыми владели его отец и дед. И если приобретёт какие-то новые, то передаст их своим детям. Хорошо ещё, что сказочники, как правило, не вмешиваются в дела магов. *Сказочники* появились настолько раньше людей, что не воспринимают их всерьёз.

Филат ещё некоторое время потоптался у урны, а потом повернулся и, притворяясь, что внял предупреждению, направился в противоположную главным воротам Магзо сторону. Сам же внимательно косил взглядом на забор, считая пролёты ограды. Принято думать, что у Магзо существует только один вход. Тщательно защищённый и замечательно охраняемый. Что ж, так оно и есть. Но кроме входа есть ещё и стожарская лазейка.

«Двенадцатая вертикальная перекладина после знака», – напомнил себе Филат.

Малозаметный стожарский знак, похожий на отпечаток крошечной птичьей лапки, притаился на столбе ограды. Филат чуть было не прошёл мимо, когда знак окликнул его. Оказалось, что столб успели покрасить и знак вместе с ним. Да только стожарские знаки не того рода, чтобы можно было их закрасить.

– Двенадцатая! – шёпотом повторил Филат и наметил взглядом нужную перекладину.

С виду это был обычный железный прут. Толстый, с подтёками краски. Он и был обычным прутом, разве что плёнка, разделяющая миры, соприкасалась здесь на очень узком участке. Бросаться на прут надо было резко и уверенно. Филат незаметно набрал полную грудь воздуха, небрежно оглянулся и резко бросился плечом на ограду.

На миг стожару показалось, словно он прорывает вощёную бумагу, сразу сомкнувшуюся за ним. Филат прокатился по земле, но сразу вскочил и огляделся. Его никто не пытался схватить, никто на него даже не смотрел, но он знал, что защитная магия Магзо уже оповещена о вторжении. Через минуту здесь будет охрана Магзо. А ещё через три – атланты и магзели.

Можно, конечно, поиграть в крутого бойца, но лучше унести подальше ноги. Филат выбрал второй вариант. Увидев вдали экскурсию провинциальных магов, он догнал её и незаметно к ней примкнул. Мозг стожара быстро просчитывал варианты.

Кто проник – они пока не знают, но место проникновения известно. Защитная магия таких объектов, как Магзо, – вещь притормаживающая, но древняя и крайне надёжная. От неё не существует отводов, заклинаний, блоков и так далее. Она будет преследовать тебя, пока ты не покинешь охраняемый участок. Или не умрёшь. Второй вариант для магии более предпочтителен, хотя она не мстительна – она просто магия.

Одно хорошо. Сказочники и элементали сюда не проникнут. Магзо – территория магзелей, и магсударственные маги ни с кем не хотят её делить. И откровенно говоря, напрасно. Пара элементарей способна была бы держать под контролем весь внутренний периметр, а уж если бы две-три кочки превратились в лешачков и кикиморок – сюда бы и в танке никто не сунулся.

Филат семенил за экскурсией, а сам вспоминал стожарскую сказку, которую рассказывала ему мама. Если он уцелеет и у него когда-нибудь будут дети, он тоже обязательно будет рассказывать им стожарские сказки. Стожарская сказка не просто сказка. В ней заключён многовековой опыт.

«Древняя охранная магия походит на сфинкса, а он обожает отгадывать загадки! – говорила мама. – Сфинкс отгадает любую загадку, а потом разорвёт тебя. Но чтобы отгадать загадку, сфинксу нужно время, потому что это дряхлый сфинкс. А за это время можно успеть загадать ему новую загадку. И опять он будет над ней думать. Тут главное – кто окажется сообразительнее».

Вот и сейчас сфинкс явно засёк, что вторгшийся в Магзо примкнул к экскурсии, но кто тут лишний, он пока не знает. Но очень скоро узнает. Стожар безошибочно ощущал, как в воз-

духе вокруг него сгущается смерть. Пока что смерть была размыта, безадресна, но кое-кто из провинциальных магов тоже почувствовал её и занервничал.

Где-то там, у ограды, в месте, которое стожар покинул минуту назад, уже мелькали быстрые тени, но сирена молчала. Скверно! Тревогу они не объявили. Догадались, что это вызовет панику. Паника же сыграет на руку тому, кто проник сюда незаконно, потому что куда проще проворачивать дела, когда все вокруг бегает, орут и произносят какие угодно заклинания.

Но пора было спасаться от сфинкса, загадав ему новую загадку.

Филат сунул руку в карман, вытащил горошину, сдвинул её пальцами, отбросил в одну сторону, а сам ринулся в другую – к пруду. Теперь надо досчитать до пяти. Он нёсся и считал. На счёт «четыре» зажмурился, но вспышку увидел даже сквозь сомкнутые веки: в них кто-то будто направил на миг яркую зелёную лампу. Выждав немного, стожар открыл глаза.

Маги из экскурсии, ослеплённые, испуганные, с воплями разбежались в разные стороны. Хорошо сработала горошинка! Каждому сейчас привиделся самый большой его страх, и в ближайшую минуту он будет считать этот страх реальностью. Стожар однажды испытал эту магию на себе, и теперь ему ужасно неловко было перед всеми этими бедолагами.

Но зато сфинкс получил новую загадку, дав стожару секунд пятьдесят форы. И этими секундами он воспользовался. До того момента, как клыки сфинкса вновь начали смыкаться, Филат перебежал к следующему пруду, с берега нырнул в чёрную воду и поплыл вдоль дна. Для магии смена среды – серьёзная загадка. С ней придётся повозиться.

Вода была тёплая, но противная, с кучей водорослей и запахом рыбьего жира. Для борьбы с водорослями здесь явно применяли магию. Магия-то да, вещь эффективная, но тоже надо меру знать. Простейшие водоросли всё равно приспособливались, разрастались, и возникло нечто вроде внутрибольничной инфекции, когда беспрестанно убиваемые микроорганизмы создавали гремучие, цепкие, ничего уже не боящиеся колонии.

Стожар плыл, ощупывая дно и пытаясь хоть что-то разглядеть. В ближайшую минуту выныривать было нельзя, чтобы магия-сфинкс его не нашарила, а минуту без дыхания надо было ещё продержаться. Перед ним мелькали тёмные быстрые силуэты. Филат знал, что в этом пруду драконов нет, зато есть селки – тюленихи-оборотни из исландских сказаний, превращающиеся в хозяйственных девушек, и девятиглавая бессмертная гидра. Как ни странно, в данный момент Филат больше опасался тюленей. Гидру надо было ещё разбудить и разозлить, селки же так и шныряли вокруг, разевая рты с острыми зубами и тесня его круглыми боками. Бывали случаи, когда они «заигрывали» неосторожного ныряльщика насмерть, прижимая его к дну и не давая подняться на поверхность. Для того чтобы селка стала хорошей женой, её полагалось подкараулить ночью на берегу и спрятать её шкуру, которую она сбросит, а перед этим желательно уронить в воду семь слезинок.

Но сейчас у Филата не было ни времени, ни возможности рыдать в воду. Определив по касанию множества упитанных тел и по не сильным, но постоянным толчкам, что он окружён любопытными тюленихами и, следовательно, шансы вынырнуть живым небольшие, Филат перевернулся в воде и, резко выбросив руку, обвинил за шею одну из селок.

Существа, которые охотятся сами, не любят, когда дичь вдруг начинает охотиться на них. Происходит разрыв шаблона. Они не могут решить, что делать, путаются – и ошибаются. Не по этой ли причине собаки нередко отбегают, когда преследуемая кошка внезапно шипит и бросается в атаку?

Вот и эта селка занервничала. Ей не понравилось, что уже не она играет стожаром, а он не пойми зачем вцепился в неё. Тюлениха попыталась рвануть его зубами, но Филат держал её так, что зубы не доставали. Тогда селка ударила ластами и в панике понеслась вдоль дна. Стожар вынужден был изо всех сил стиснуть её обеими руками, иначе бы его сорвало давлением воды. По шкуре тюленихи побежали рыжие полукружья. Он безошибочно узнал горячую, живую, наполняющую его пульсацию рыжья. В одну секунду они вырвались из стаи других селок.

Сверху слабо пробивалось солнце. Филат хотел отпустить селку и всплыть, когда селка в панике врезалась во что-то и, испугавшись, круто повернула назад. Филат ещё соображал, что случилось, а тюлениха уже как безумная буравила воду ластами.

А потом в чёрной воде вдруг вспыхнули два прожектора. И ещё два. Прожекторы вспыхивали по два и по четыре, и лишь когда их стало восемнадцать, пришло отсроченное решение задачи. Они всё же разбудили девятиглавую гидру. Теперь селка удирала не по прямой – она бросалась под водой из стороны в сторону. В какой-то момент спине Филата стало горячо, словно он приложился к раскалённой трубе. Ну конечно! Гидра изволит плевать кипяточком!

Умная селка в догонялки играть не стала и с разгону выскочила на берег. Уже в воздухе Филат выпустил её, и на сушу они прибыли двумя отдельными рейсами. Селка, пытая по-тюленьи, сразу отползла в сторонку, Филат же вскочил и, не простившись со своей несостоявшейся женой, бросился наутёк.

Метров через тридцать он оглянулся на пруд – над водой задирались страшные головы. Художники обожают рисовать гидру. Они охотно добавляют ей щупальца, клыки, непонятные наросты и крылья. А ещё почему-то она у них часто дышит пламенем, причём таким густым и плотным, что огненные элементарии, должно быть, диву даются, каким образом гидра накопила в себе столько огня. Может, в своём многокамерном желудке она перерабатывает воду в смесь для огнемётов, а потом выдаёт её под давлением десять атмосфер? Ну уж нет, милые мои! Если гидра живёт в воде и называется гидрой, то огонь она выдыхать ну никак не может. А вот кипяток и пар – это запросто.

Пока в него не шарахнули очередной порцией кипятка, Филат хотел удрать, но тут ему пришла одна мысль. Он некоторое время попрыгал на берегу, поразмахивал руками, привлекая внимание чудовища, и очень точно, истратив на это целых два капа магии, запустил в гидру приличных размеров булыжником. И только потом повернулся и побежал. Гидре нужно шесть с половиной секунд, чтобы надуться для залпа, разогреть и выдохнуть воду, которая летит на двадцать метров с поражающим эффектом до десяти. Так утверждают сказки стожаров. А сказки стожаров, в отличие от человеческих, очень точные. Если они утверждают, что секунд именно шесть с половиной, а метров именно двадцать, то так оно и есть.

Впереди был уже виден мост, разделяющий две территории Магзо – новую и старую. Перескакивая через две ступеньки, Филат взбежал на него и хотел промчаться дальше, но тут в него выстрелили. Кто выстрелил и откуда, он не увидел. Просто что-то вдруг ударило его в грудь, и стожар застыл как изваяние. Всё видел, всё понимал, но оставался неподвижен.

Из-за лепных украшений вынырнули двое. Один держал Филата под прицелом табельного искоромёта. Другой, высокий, с выразительным, немного обезьяньей лепки лицом, был вооружён парализатором. Скверная, очень скверная вещь, похожая на магстолет, изготовленный из куска оплывшего льда.

«Боевые маги. Спасибо атланта с ними нет», – подумал Филат.

– А вот теперь можно зачитать тебе твои права! – насмешливо сказал похожий на обезьянку магзель. – Ты имеешь право дышать носом или ртом – по своему усмотрению! Глазами молний не метать! Пальцы на руках держать так, чтобы я их видел! Не скрещивать, не двигать!

Магзель издевался. Филат и так не мог шевельнуть ни одним пальцем. Даже моргнуть не мог. Парализатор оставил ему совсем немного магии – только на дыхание. Вряд ли тот маг-изобретатель, который выдумал парализатор, сам сразу понял, какое эффективное и сильное оружие он выдумал. Лучше искоромётов, лазера. Сила парализатора – в мгновении его действия. Тут даже стожары бессильны.

«Пятьдесят пять... пятьдесят четыре», – мысленно считал Филат.

Действие парализатора простое. Он перерезает нить, которая связывает мысль с непосредственным действием. Будь у стожара сейчас даже тысяча магров рыжя – он не смог бы

его применить: ведь для этого ему потребовалось бы хоть пальцем на ноге шевельнуть, хоть слово сказать, хоть глазом моргнуть. Он же был способен только дышать, да и то не полной грудью и не чаще, чем позволял парализатор. Вот если бы магзель убрал палец с курка, всё бы изменилось! Филат бы показал, что такое боевое искусство стожаров! Но он не просто держал его на курке, но и надавливал.

«Девятнадцать, восемнадцать», – продолжал считать Филат.

Самодовольно ухмыляясь, магзель приблизился к нему и сдёрнул бейсболку.

– О, морок! Обмануть нас хотел! Ну и мокрый же ты, приятель! И грязный! Водоросли какие-то висят!..

«Пять, четыре, три», – упорно считал Филат.

Поймав один из своих вдохов и лишив себя этого вдоха, отчего всё его существо взбунтовалось, а мозг заполнило ужасом, стожар сумел высвободить совсем немного магии. Всего один кап, а это такая кроха, что боевого значения иметь не может. Но этой крохи Филату хватило, чтобы накрениться и упасть. Он больно ударился грудью и щекой, потому что не смог даже смягчить удар. Но всё же он сделал что хотел.

«Два, один, ноль», – досчитал Филат, но ровным счётом ничего не произошло. Ошибся. Можно было не падать и не заниматься битьём лица об асфальт.

«Минус один... минус два...» – зачем-то продолжал Филат. Непонятно, как считать, когда уже дошёл до нуля. Сейчас он считал лишь потому, что было очень больно, а пошевелиться, чтобы смягчить боль, он не мог, и дышать мог лишь тогда, когда позволяла магия парализатора.

Боевые маги, подбежав к Филату, склонились над ним, совещаясь, как видно, поднимать его или нет. Потом выпрямились и, что-то заподозрив, разом вскинули головы. Послышался дикий вопль, и над головой лежащего лицом вниз Филата пронёсся столб из кипятка и пара. Отдельные капли попали ему на спину, хотя он был прикрыт сплошным высоким бортиком ограждения.

От боли Филат дёрнулся и понял, что может шевелиться. Двигались пальцы, двигалась вся рука. Он поднялся, собирая своё тело по кусочкам и вновь знакомясь с ним как с единым целым. Магзей на мосту уже не было, зато снизу к нему тянулись переплетённые шеи пылающей местью гидры.

Ей понадобилось больше минуты, чтобы доползти до моста. Неплохое время, но дольше, чем Филат ожидал. Зато теперь у стожара опять было целых шесть с половиной секунд, чтобы унести ноги. И он этим, конечно, воспользовался. Но сначала подобрал свою бейсболку с мороками. Он не любил с ней расставаться. Подарок мамы.

Гидра неуклюже поползла за ним, пытаясь взобраться на мост. Её конечности были приспособлены для перемещения по суше не больше, чем тюленьи лапы. Желание мести у гидры и сейчас не угасло, хотя не факт, что она отличила Филата от боевых магов. Не исключено, что для неё все люди на одно лицо. Вы гонитесь за досадившей вам мухой. Муха куда-то садится – и оттуда вдруг одновременно взлетают три мухи. Двух вы прибили, но одна уцелела – и вы не знаете, та ли это, за которой вы гнались, или нет.

Больше не опасаясь гидры, которая не могла преодолеть узкий мост, но зато, забаррикадировав его своей упрямой многоглавой тушей, прекрасно задержала бы любую погоню, Филат перебежал на новую территорию Магзо.

Уже на бегу, проверяя себя, стожар бросил быстрый взгляд на стенд для посетителей. Ага, всё верно! Птицы – прямо и налево, но он, конечно, срезал наискосок через луг с кентаврами. Луг был огромный, растянутый с помощью пятого измерения километра на полтора.

Статус кентавров был сложен и трудноопределим. Кентавры занимали промежуточное положение между сказочниками, магическими животными и магами. С одной стороны, это, конечно, магические лошади, буквально начинённые рыжьём. С другой – всё-таки люди. С третьей – всё-таки маги, прекрасно владеющие артефактным оружием, особенно стрелами, мечами и копьями. А с четвёртой стороны, опять-таки лошади, поскольку никак не умели держать в узде свои инстинкты. Чуть что – начинали умыкать первых попавшихся женщин, перекидывать их себе на спину и скакать с ними не пойми куда. Выпусти табун кентавров в город – и вечером они вернутся в Магзо, словно анархисты после вылазки в город. Трезвых нет, на спинах пленницы, в руках какие-то непонятные пулемёты, на шее – картины из Пушкинского музея и длинная связка сосисок, потому что желудков у кентавров тоже два и один из них терпеть не может, когда его набивают сеном.

По этой причине кентавров держали в Магзо постоянно, что им очень не нравилось.

Как-то угадав в Филате врага магзелей, один вороной кентавр поскакал рядом, позволив стожару забраться ему на спину, и спрыгнул с него Филат уже у задней стены птичьего павильона. К главному входу не сунулся – почти наверняка там торчит парочка атлантов. Окно было открыто только на втором этаже. Ерунда. С этим он справится. Перед тем как карабкаться по стене павильона, стожар поднял с земли сухую ветку и, переломив её надвое, из половинок сделал себе рога.

Глупый способ, конечно, но эффективный. Истинно стожарский. Теперь для магии сфинкса он олень. Или баран. Или зубр. Или какой-нибудь иной козёл. Да ещё и карабкающийся по вертикальной стене. То есть вообще незнамо что в кубе неизвестности. Охранная же магия обстоятельна. Ей требуется время, чтобы во всём разобраться, а не убивать абы кого.

Забравшись, Филат проверил, нет ли невидимых завес, и, не обнаружив таковых, спрыгнул. Перед ним тянулся длинный коридор с бесконечным рядом вольеров. Жар-птицы, финисты, аэлли, бубри, гаруды, базилевсы. А вот сонно шевелится громадная, как гора, птица Рух. Перья её торчат несколько вкось. Шея голая, облезлая. Рядом с мощной, как дубовый ствол ногой, валяется небрежно расклёванный остов буйвола. Птица стара. Всё на свете ей надоело. И пары для Руха нет. Последний остался.

«Сколько ж в нём рыжья!» – мельком подумал стожар, но жадности не испытал. Жадность – чувство не стожарское. Тот, кто ежедневно рискует жизнью, делает это не ради рыжья. Чем ты богаче, тем трусливее, потому что тебе есть что терять.

Надо было скорее найти ту птицу, ради которой он сюда послан, и постараться вынести её из Магзо. Где она? Взгляд стожара метался по рядам клеток. В клетках кричали птицы. Во все стороны летели рыжие брызги рыжья. Сияние было такое, что хоть ослепни.

Филат пробежал по длинному коридору, повернул. На многих вольерах мерцали нестрашные с виду замочки. Но смеяться над ними Филат бы не стал. С таким час провозишься. Мерцание над замочками двойное, а тени он почему-то не отбрасывает – опытному глазу это многое скажет. Первое умение стожаров – наблюдать. Маленький стожар сидит и часами смотрит на чашку, дерево или на камень, пока не определит, что с ними не так. Не так расползлась трещина, не такой звон, не так падает свет или тень чуть темнее, чем положено быть при таком освещении. Притаившаяся магия всегда оставляет следы. Не найдёшь её вовремя, просмотришь – и всё, второго шанса никто не даст.

Филат пробежал один ряд, другой – и лишь тогда увидел птицу, которую искал. С виду неприметная. Похожая на киви, и на ветке висит смешно, головой вниз, как летучая мышь. В старинных книгах утверждалось, что эти птицы не имеют ног и крыльев, а летают при помощи хвоста. Если им надо отдохнуть, они цепляются двумя жилами на хребте за сухие деревья и так восстанавливают силы. Это, конечно, чушь, крылья у птицы есть, просто ей нравится висеть на ветке головой вниз – это и создало легенду.

Обрадованный, что отыскал её, Филат рванулся к вольеру, но заставил себя остановиться. Присмотрелся, прислушался. Вроде бы всё спокойно.

Он уже почти сдвинулся с места, но что-то было не так. Что-то тревожило стожара. Мир потускнел. Возникнув из ниоткуда, из стен, из пола, вокруг Филата начала сгущаться плотная синеватая смерть. Сфинкс разгадал загадку, разобрался, что перед ним никакой не олень. Стожар торопливо выдернул палочные рога и отбросил их.

«Кря-кря!» – крикнул он и сделал руками лихорадочное движение, будто летит.

Невидимый сфинкс-убийца опять призадумался. Теперь для сторожащей магии стожар – уточка. Не может же не уточка сказать «кря-кря»? Это было бы глубоко нелогично... подумаем минутку!

Получив целую минуту жизни, стожар забурлил. Хлопая крыльями, подлетел к клетке.

– Привет! – сказал он насмешливо. – Давай знакомиться! Я уточка! А кто ты?

Птица молчала, покачиваясь головой вниз на своём насесте. Стожар стал осматривать клетку, не прикасаясь к ней. Замка вроде не было, но «вроде» – это ещё ничего не значит. Мир магии – это мир магии. Цыплёнок может казаться тигром, а охотящийся тигр – цыплёнком.

– Молчишь? Тогда я скажу, кто ты! Птица гамаюн. Она же апус, еме, имоноцидата, манкория и парадизея. Она же хумай, вещая птица. На кого упадёт твоя тень – тот избран небесами. В персидском языке слово «хумоюн/хумаюн» означает «счастливый, августейший», – по памяти проговорил стожар.

Говорил рассеянно. С одной стороны, успокаивал себя, а с другой – птицу, которую ему предстояло отсюда вынести. Нет, дверь вольера – это просто дверь вольера. Простенькая магия всё же имеется, но она, как говорят стожары, рассчитана на честного мага. Максимум помешает любопытному подростку, отставшему от экскурсии, сунуться в клетку и выдернуть у птицы пёрышко на счастье.

Стожар подул на сетку, притворяясь сквозняком, потом сделал несколько шагов назад, будто уходит, и, наконец, одну за другой пробросил сквозь сетку вольера двух дохлых мух, припасённых в кармане в пустой баночке от витаминов. На первую муху одураченная магия сработала слабым атакующим ударом, а на вторую и вовсе не сработала, окончательно сбита с толку. Стожар толкнул сетку и вошёл.

Гамаюн продолжал болтаться на ветке, но голову приподнял и на стожара взглянул не без любопытства. Почему, интересно, некоторые утверждают, что у гамаюна женская голова? Если голова женская, то это, извините, уже не гамаюн, а сирий или алконост. Герб Смоленска видели? Вот на нём гамаюн, да и тот не чистый, а помесь с павлином.

Птица, конечно, редкая, райская, но в том же Рухе или в фениксе рыжия куда как больше. Опасная вылазка в Магзо ради одной только птицы гамаюн – очень странное задание.

«Зачем Фазанолю нужен гамаюн? Сдержит ли он своё обещание, если получит птицу?»

Ответов на эти вопросы не было. Ладно, будем действовать! Филат протянул к птице руку, собираясь цепко сгрести её с ветки, но тут позади него красивый женский голос произнёс:

– Осторожно! Если возьмёшь – не урони! Твой хозяин не предупредил, что падение птицы гамаюн вызывает сильный разрушительный выброс магии?

Стожар резко обернулся. Его накрыло предчувствие провала – верное, безошибочное. Непонятно почему, у Филата оно имело железистый привкус крови из разбитого носа.

Прямо перед ним стояла очень высокая русоволосая женщина. Босая. Туфли с острыми каблуками держала в левой руке. В правой у неё был чёрный ларец. Филат вскинул руку, но искры так и не метнул, потому что узнал её. Нет, атаковать нельзя! Эх, успеть бы схватить птицу!

– У меня нет хозяина! – выигрывая время, крикнул он и незаметно притянул к себе ногу, готовясь к прыжку. Любой ценой он должен выполнить задание Фазаноля – и пусть тот попробует не сдержать обещание.

– Я хотела сказать: твой бывший хозяин! – вежливо уточнила женщина и, отбросив в сторону мешающие туфли, открыла чёрный ларец.

Глава 2

Остров, которого нет

Холодильник – это не устройство для производства мороза, а просто железный ящик, в котором удобно запирать продукты от собак.

Мама Евы

Звонящий ночью телефон – это страшно. В темноте Ева отыскивала его не сразу. Наконец нашарила под одеялом, где он светился и дрожал. Времени четыре-ноль-четыре. Звонила Мелина, подруга из школы. Две недели назад, прямо первого сентября, Мелина уронила утюг себе на мизинец правой ноги. Теперь, когда родители пытались отправить её в школу, у неё сразу же приключался болевой шок. Чтобы восстановить силы, она спала до двух часов дня. Просыпалась, слушала музыку и прыгала на одной ноге по квартире примерно до пяти-шести утра следующего дня. Потом опять ложилась, чтобы не столкнуться с родителями, пока они не уедут на работу. Утренняя кухня – это их опасная территория. С родителями лучше встречаться вечером, когда они добрее. Тогда им можно показывать палец и с озабоченным лицом спрашивать: как они думают, сможет ли она когда-нибудь ходить?

– Что ты делаешь? – спросила Мелина.

– Сплю, – ответила Ева.

Мысль, что в четыре утра можно спать, Мелине в голову никогда не приходила.

– Правда? Слушай, что-то хотела тебе сказать, но забыла... Представляешь, да? Я в новостях видела: остров какой-то новый появился.

Ева ткнула лбом в подушку:

– Какой остров?

– Где-то там, на севере... – видно, Мелина махнула рукой, потому что звук телефона отдалился. – Здоровенный остров поднялся из океана. Успели сделать несколько снимков со спутника, они нечёткие, но видно, что длинный такой остров, узкий...

– Вулкан? – предположила Ева.

– Если вулкан, то где тогда дым от извержения? Послали вертолёты – а острова никакого нет. Представляешь, да? – Мелина захихикала.

– Да ну, бред... – сказала Ева. – Померещилось.

– А спутник тогда что снял?... – резонно возразила Мелина и, вдруг вспомнив, зачем звонила, воскликнула: – Ах, ну да! С днём рождения!

– Чьим?

– ТВОИМ! С Днём РОЖДЕНИЯ, СОЛНЦЕ! Жаль, меня в школе не будет, чтобы тебя поздравить!

Ева мгновенно вспомнила, что сегодня четырнадцатое сентября и ей исполняется четырнадцать! Четырнадцатого – четырнадцать! Эта мысль сразу прогнала сон и подбросила её на кровати, как на пружинах.

– Ты и в прошлом году на мой день рождения в школу не приходила! – напомнила Ева.

– В прошлом году у меня началась аллергия на кошку. Прямо тридцать первого августа и началась! Представляешь, какое невезение? – Мелина вздохнула, размышляя о случайностях судьбы, мешающих ей получать системное образование.

Но Ева уже не слушала Мелину, сообщающую, что сейчас она обзвонит всех учителей и попросит у них прощения за вынужденные прогулы. Отбросив телефон, Ева закружилась по комнате. Конечно, не лепесточек, но стулья не сносит.

Четырнадцать! Четырнадцать! К этому огромному числу надо ещё привыкнуть! Какая же она старая! Джульетте, когда она встретила Ромео, было тринадцать! А Ромео – пятнадцать! Какой кошмар! Решено! Пора начинать жить, и максимально бурно! Приняв такое стратегическое решение, Ева выключила свет, рухнула на кровать и мгновенно уснула.

В следующий раз её разбудили, когда в комнате уже было светло. В дверь стучала мама:

– Ева, вставай!

– Я уже глаза открыла! – соврала Ева сквозь подушку.

– Что? Громче!

Ева чуть скосила в сторону рот, чтобы звуки всё же проходили:

– Глаза.

– Это не считается! Вставай! У тебя сегодня контрольная!

Ева чувствовала: мама стоит у двери и смотрит в щёлку. Щёлка крошечная, случайная. Просто трещина в дереве. Удивительно, что фотоны света вообще могут в такую пролезть. Но как-то пролезают, расталкивая друг друга локтями.

«Пусти! Я хочу наябедничать!» – орёт один фотон. «Нет, ты пусти! Я тоже хочу наябедничать, что она дрыхнет!» – вопит другой. Но наябедничать они могут не так уж много. В щёлку видна не вся комната, а лишь некое пространство у пола и чёрная раздвижная кровать из шведского магазина.

Не отрывая головы от подушки, Ева ухитрилась выпутать из одеяла ногу и подрыгала ею в просматриваемом пространстве.

– Вот, маман, видишь? Я уже встала! «Дочь, опоздаешь на электричку!» – «А знаешь во сколько я вчера легла?» – «А тебя никто не заставлял во столько ложиться!» Ой, это же ты должна говорить! Прости, маман!

Мама спокойно слушает. Язык, как известно, тоже мышца. Ребёночек поболтал утром, кровь в мозг прилила – вроде как зарядку сделал. После зарядки авось дотащится до ванной и до кухни. А там можно покормить и дружелюбным пинком отослать в школу.

Убедившись, что Ева наболтала достаточно и уже не уснёт, мама ушла вниз. Было слышно, как она спускается по лестнице. Ева даже могла сказать, на какой она ступеньке. Каждая ступенька имела свой скрип.

Ева села в кровати. Крошечная комнатка – два шага на четыре – кипела жизнью. Сбежавшая улитка-ахатин прочерчивала по обоям белые полосы. В этом было что-то мистическое: улитка ползёт – и рисунок с обоев таинственно смывается. Как-то Ева запустила по обоям и виноградных улиток тоже, но от них след оставался иной – более тонкий, извилистый и бледный.

Всю дальнюю стену занимал аквариум с пираньями. Ева давно к ним привыкла и даже фильтр меняла голый рукой, не отсаживая при этом рыб. Как все пираньи, они были стайны и до невозможности трусливы. Хлопались в обморок от резкого хлопка дверью или упавшей на пол книги. Это у них такая реакция на стресс. Хлопнутся – и лежат себе на дне, а вода из фильтра их покачивает.

В здоровенном пластиковом контейнере возились морские свинки, непрерывно издавая свистящие звуки. Ева выпустила их на пол, и свинки затопали по комнате цепочкой, предупреждая друг друга озабоченным писком о каждом подозрительном предмете на их пути. Прямо звёздный десант какой-то. «Пятый, пятый, здесь тапка!» – «Вас понял! Обходим с севера!» Так продолжалось до тех пор, пока маленький свинёнок не сунул голову в валяющийся носок и панически не запищал, сообщая всем, что его схватили и поедают заживо. Остальные свинки, включая родителей, не стали проявлять безрассудный героизм и бросились врассыпную.

– Ну и свиньи же вы после этого! – сказала Ева и, переловив их, вернула в контейнер.

Собираясь почистить зубы, Ева взглянула на себя в зеркало – отразился зелёный всто-порщенный газон. От удивления она замерла со щёткой в руках, а потом вспомнила, что два дня назад покрасила волосы, просто ещё не привыкла.

В школе в первый же день к ней подплыла завуч и мягко сказала:

«Девушка должна выглядеть благопристойно! Вот у мамы твоей какая стрижка?»

«Когда как, – обстоятельно ответила Ева. – Когда с животными на арене – она в парике с буклями. А когда номер с огнём – тут без парика. Техника безопасности».

«А под париком у неё волосы какие?» – спросила завуч, желая всё же докопаться до истины.

«Под париком мама бритая наголо. Я же говорю: техника безопасности! Пары керосина. Зато серёжек можно носить сколько угодно. В правом ухе мама собирает Африку, а в левом у неё – Австралия и Океания».

Завуч пошевелила губами, нашаривая правильное педагогическое обоснование со многими отсылками на учебный процесс, взрослость и чувство долга, но обоснование если и нашаривалось, то непрочное и главное – очень-очень длинное. Отложив его до лучших времён, завуч вздохнула, махнула рукой и всплыла в тихую гавань методического кабинета.

Когда Ева спустилась, на столе была яблочная шарлотка, а на стене – яркие огромные буквы:

«С Днём РОЖДЕНИЯ!»

Цветной бумаги у мамы хватило только до буквы «Р», а «ОЖДЕНИЯ!» было вырезано просто из газеты.

Мама сидела за столом, завтракала, бросая кусочки сыра большому белому пуделю Филимону. Он был самым любимым из одиннадцати собак, с которыми мама работала, и она вечно таскала его с собой.

«Невероятно талантливый пёс! Но обжора, трус, невротик! Оставить его ночью в цирке нереально. Всё время визжит и лает! Жрёт что попало, вплоть до пластмассы! А ещё всё время хочет жениться!» – говорила про него мама.

Когда Ева появилась на кухне, мама первым делом взглянула на часы. Если живёшь за городом и твоя утренняя жизнь зависит от электричек, часто смотреть на часы становится привычкой.

– Основные поздравлялки будут вечером!.. На семь сорок одну ты уже не успеваешь! Придётся ехать на восемь ноль две! Какой у тебя первый урок?

– Не особо важный... – поспешно ответила Ева. – Зоология!

– С каких это пор зоология для тебя не важный урок?

– Для меня-то важный. Но учительница всё равно ничего в ней не понимает. Я спросила, чем крокодил отличается от аллигатора, а она не знает.

– Не может быть. У крокодила при закрытой пасти виден большой четвёртый зуб нижней челюсти. А у аллигатора зубы не видны.

– Вот-вот! А она ужасно рассердилась, потому что решила, что я роняю её авторитет! – сказала Ева и потребовала свой утренний «кофь».

Мама поморщилась. И Ева поняла почему. «Кофь» – это слово папы. И вон то кресло – кресло папы. И вон та чашка – чашка папы. Но в кресле никто не сидит, чашкой никто не пользуется и слово «кофь» тоже не произносит.

Родители Евы не в разводе. Но папа уже полгода живёт в съёмной однушке. Говорит, оттуда ему ближе ездить на работу, не такие большие пробки. Но Ева уже не маленькая. Она понимает, что дело тут совсем не в пробках. Просто её родители перестали находить общий язык. Да и по характеру они очень разные. Мама – кипящая, громкая, может хлестнуть тебя по спине полотенцем и наговорить много лишнего. Но зато она очень отходчивая. Вскипит –

а через минуту как ни в чём не бывало хлопочет на кухне или спрашивает: «У тебя деньги есть? Хочешь куда-нибудь сходить?»

А папа наоборот. Вывести его из себя непросто – зато и дуться он будет месяц. Девиз папы: «Тише едешь – дальше будешь». Папа занудливо осторожен. На светофоре ещё зелёный, а он уже заранее остановился. В ванной стиральную машинку надо включить – он в резиновых тапках встает на резиновый коврик. Казалось бы, и работу папа должен был выбрать себе безопасную – в офисе, да и там обходить дальней дорогой степлер, шрёдер и канцелярские ножи.

Но тут нет, несостыковочка. Раньше папа был цирковым акробатом, а потом чуток поднабрал вес и теперь занимается высотными работами на небоскрёбах. В Москве куча небоскрёбов, и, по словам папы, практически ни один архитектор не продумал, как на его небоскрёб будут залезать. Проектировался, видимо, некий магический замок, который снаружи будут обслуживать летающие эльфы: всё монтировать, приваривать, освобождать от льда и так далее. И вот папа со своим занудством и со своей сверхосторожностью теперь подчищает чужие косяки, разбираясь, как именно это сделать. Его ежедневная переписка с напарником выглядит так.

«Короче, Борь! – пишет папе напарник. – В стене засела бетонная тётка. На носу у тётки метровая сосулька, которая торчит прямо над центральным входом. Ещё нужно повернуть прожектор, который у тётки на башке, а то он не в ту сторону бьёт». – «А чего сами не повернут?» – «Да там болты все прикипели. Они, по ходу, тётку прямо с прожектором монтировали». – «Ближайший этаж?» – «Пятьдесят пятый». – «Всего этажей?» – «Шестьдесят». – «Ок! Узнай, сколько денег».

Пишут цену, и папа начинает думать. Тут он опять, конечно, включает своё обстоятельное занудство. Промеряет каждый сантиметр, ищет, где зацепиться, как страховаться, как откручивать болты, как сделать так, чтобы никакой мусор не упал на головы входящим в здание, и т. д.

Мама всё ещё немного дулась из-за «кофь».

– А я вот в школу никогда не опаздывала! – заявила она.

– А дедушка почему-то говорил, что ты приходила только к третьему уроку... – мелочно вспомнила Ева.

Каждый подросток начинает жизнь с того, что собирает компромат на родителей, для чего заводит в голове особую папочку. В эту папочку собираются все сказанные родителем неосторожные слова, каждая выпитая банка пива, каждое нарушенное обещание, каждый подзатыльник, а также всевозможные тараканы и роковые вопросы.

Самый распространённый вопрос – зачем взрослые заводят детей, если потом путаются в своих проблемах, ходят сердитые и не готовы любить их на полную катушку? Неужели нельзя было подобрать идеального родителя и согласовать его кандидатуру с ребёнком? Если ребёнок сказал «ок!» – тогда всё «ок!»: рожайте, разрешение дано!

Но Ева жизнерадостна. Такие вопросы задаются вечером, а сейчас только утро.

– Бред какой-то! Не мог дедушка такого говорить! Когда надо было к третьему уроку, то я вообще не приходила, – буркнула мама. Она потянулась за паштетом, и Ева заметила на её руке свежую царапину.

– Откуда это? – спросила она.

Мама посмотрела на царапину и лизнула её. Общение с животными не проходит бесследно, это Ева и по себе уже знает.

– А, ерунда! Обезьянка выхватила у меня телефон – бегала, грызла, стучала им по стенам. А я забыла, что отнимать нельзя. Надо ждать, пока ей надоест и она сама бросит.

– А почему отнимать нельзя?

– Потому что обезьяна не помнит, у кого что взяла. Раз вещь у меня – значит, уже моё! Отнимешь – сразу начинает мстить... Все обезьянки, даже мелкие, ужасные истерички, а силы

в них как во взрослом мужике. Видела, сколько пальцев у обезьяньих дрессировщиков? Если по три на руке есть – это ещё много... Ну всё! Семь пятьдесят пять! Пора! – внезапно воскликнула мама, и для Евы это прозвучало как команда «старт!».

Она торопливо обулась, схватила рюкзак, куртку и выскочила на улицу.

Глава 3

Котошмель

Мы исходим из того, что человеческая история создаётся людьми. Что короли всё предусмотрели, всё решают, всё у них спланировано. Что где-то есть профессионалы – политики, врачи, учёные, которым всё известно лучше нас и которые о нас заботятся. Это иллюзия. Никакой спланированности человеческой истории не существует – она абсолютная тайна даже для непосредственных её участников. Все важнейшие изменения истории происходят в человеческих душах, в некоей групповой сумме этих душ, накапливаясь в них как критическая масса, а всё остальное, даже страшные войны – лишь поверхностная рябь этих изменений.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Был ясный солнечный день. Каждая козявка, выползшая на упавший жёлтый лист, всякое дерево, даже прыгающий по столбам ограды воробей кричали: «Аз есмь! Я существую! Это моё мгновение жизни!»

Но Ева листьями сейчас не любовалась – она неслась. Тридцать пять лет назад дедушка купил в ближнем Подмосковье дом так близко от железной дороги, что, когда проезжал поезд, стёкла в рамах начинали дребезжать. Тогда вокруг были сплошные хлипкие дачные домики, и дедушке казалось, что, выстроив двухэтажную зимнюю дачу, он возвёл дворец.

Теперь всё изменилось. На месте хлипких домиков как грибы выросли огромные коттеджи, а их узкий двухэтажный дом с пристроенной верандой и такой же пристроенной с противоположной стороны ванной казался скворечником.

Вокруг всё было уже скуплено, каждый сантиметр земли. Соседи отгородились трёхметровыми заборами с камерами, а у них так и остался забор из деревянных щитов с сохранившимися кое-где обрывками афиш. Эти обрывки были так пропитаны клеем, что их не брал никакой дождь. Дедушка, умерший два года назад, работал в цирке кем-то средним между администратором, прорабом, завхозом и специалистом по хищным кошачьим. Где это среднее, никто толком не знал, но оно было.

Ева очень спешила. На втором уроке контрольная, на которую лучше не опаздывать. Обычно в начале учебного года контрольных не дают, но их учительница считала иначе. У неё каждая четверть была разбита на десять контрольных, и если кто-то контрольную пропускал или плохо писал, то это была двойная трагедия: одна для учительницы, а другая для самого бедняги.

Подбегая к станции, Ева обнаружила, что там, где она всегда переходила пути, за ночь вырыли ров и поставили охранника. Железнодорожное начальство в очередной раз боролось с «перебегальщиками». Значит, переходить придётся по верхнему мосту, а это ещё добрых три минуты.

Когда Ева, запыхавшись, скатилась по длинной грохочущей лестнице, электричка уже закрыла двери, но пока стояла. Ева побежала вдоль электрички, умоляя небо, чтобы машинист увидел её в зеркало. Размахивала руками, подпрыгивала. Бесполезно. Её не видели – либо не желали видеть.

«Ну в день рождения же можно! Пожалуйста! Ну пожалуйста! Один раз!»

Ева бросилась к дверям и попыталась раздвинуть их. Не смогла. Перебежала к следующему вагону – может, там дверь окажется не такой упрямой? И опять не повезло. Ева метнулась дальше.

«Открой мне! Заметь меня!»

Ощувив сильное, в тоску переходящее желание, чтобы ей повезло, она отчаянно рванула двери в разные стороны – и... это случилось.

Всё выглядело как нечёткое наложение двух кадров. И вот эта вторая дверь – не внешняя, которая оставалась закрытой, а другая, на втором кадре, вдруг открылась. Ева, не задумываясь, рванулась вперёд и, прорвав плечом невидимую обёрточную бумагу, оказалась в уже тронувшемся поезде. Здесь она потеряла равновесие и стукнулась виском о стенку. Боль от удара заставила Еву забыть странное чувство, словно протискиваешься сквозь что-то, а оно тотчас смыкается. На всякий случай она ещё раз оглянулась. Так и есть – почудилось. Дверь как дверь.

Потирая висок, Ева перешла из тамбура в вагон и села. Найти свободное место оказалось несложно. Почему-то вагон был почти пуст. Кроме Евы в нём ехали всего трое, сидящие в другом ряду – чуть влево и наискосок. У окна расположился плотный мужчина с необычной внешностью прямоходящего салата и одновременно римлянина времён упадка. Щёки – два помидора. Снизу к помидорам подклеена жёлтая груша – подбородок, утыканный колючками щетины. Щетина такая толстая, что кажется, перекусить её можно только плоскогубцами. Любая бритва тут бессильна. Где-то между грушей и помидорами затесался алый маленький рот с очень пухлыми губами – вылитая клубника. Сизый крупный нос смахивает на перезревшую сливу. Лоб мясистый, с толстой складкой над переносицей. Голова совершенно лысая, и только на макушке произрастают две заблудившиеся проволоочки. Кроме того, на фруктовом лице присутствуют маленькие внимательные глазки-виноградинки, пристально разглядывающие сейчас Еву.

– Здрасьте! – тревожно сказала Ева и сделала пальцами застенчивое движение.

Мужчина с красными щеками на её приветствие не отреагировал, лишь помидоры его невнятно дрогнули – что, вероятно, означало мимику. Между ним и его соседом стоял чёрный ларец. Ева посмотрела на ларец, потом на соседа и... О нет! Лучше б она посмотрела на что-то другое! Если, изготавливая мужчину-помидора, природа вдохновлялась овощами и фруктами, то здесь её явно занимали строительные материалы. Тело было как гигантская плита, а голова красивая, неподвижная, с правильными чертами, точь-в-точь как у статуи в музее. Еву это напугало. На секунду мелькнула мысль, что кто-то действительно отбил у греческой статуи голову, а потом оживил всю эту конструкцию.

У ног грозного человека-плиты помещался внушительного вида контейнер с окованными металлом углами. Человек-плита цепко придерживал его коленями. В руках у него был тубус, вроде тех, в которых художники носят ватман.

Ева перевела взгляд на третьего пассажира вагона – и немного успокоилась. Это был небольшой подвижный старичок с длинными седыми волосами. Лёгкие, невесомые волосы его походили на пушинки одуванчика. Казалось, ветер вот-вот подхватит их, сорвёт и унесёт. Лицо у старичка было умиротворённое. На Еву он посматривал с ласковым любопытством.

«Чего они все на меня уставились? Что со мной не так? Видели через стекло, как я в вагон ломилась?» – с тревогой подумала Ева.

Человек-помидор что-то негромко приказал своему соседу. Тот, двигаясь как заведённая кукла, достал планшет и направил его камерой на Еву. Решив, что её фотографируют, Ева мысленно возмутилась. И вдруг осознала, что это не планшет, а книга в твёрдом переплёте, с прорезанным в обложке четырёхугольным отверстием. Приоткрыв книгу, гигант сквозь прорезь посмотрел на Еву и что-то сообщил своим спутникам. Голос его звучал без интонаций, будто тяжёлые капли дождя падали на жёсть.

«Маме позвонить? Лучше в другой вагон перейти, где людей больше!» – трусливо подумала Ева, однако прежде, чем она успела встать, старичок с невесомыми волосами вспорхнул воробышком – и невесть как оказался рядом с ней.

– Как тебя зовут? – спросил он вполне приветливо.

– Я никто, и зовут меня никак! – огрызнулась Ева.

Старичок не обиделся. Шевельнул лёгкими бровями:

– Никто Никаковна, стало быть? Развлекаются же родители... А я Павел Андреич Звенидраг, из Магзо. Не расскажешь, как ты сюда попала, Никто Никаковна?

Ева сорвалась с места и попыталась проскочить мимо него. Павел Андреич мизинцем к ней не прикоснулся – но почему-то, сколько Ева ни бежала, она не сдвинулась ни на сантиметр.

– Хорошая скорость! – цокнув языком, одобрил Звенидраг. – Чтобы тебя остановить, я потратил не меньше магра. А на лося я как-то потратил пять... Но это ж лось! Одна пятая лося – это ж сколько будет... – он зашевелил губами, – ноль целых двенадцать сотых дракона. Недурственно, скажу я вам!

Сердце у Евы прыгало и колотилось:

– Отпустите меня!

– Отпущу. Но вначале давай кое-что выясним! Ты кто? Ну помимо того, что Никто Никаковна?

– Человек! – опять огрызнулась Ева.

Это была вторая попытка грубости, но Павел Андреевич услышал её по-своему и радостно заулыбался:

– Значит, не сказочник и не под мороком? Я почему-то так сразу и подумал. А откуда у тебя, позволь поинтересоваться, рыжё?

– Нет у меня никакого рыжья!

– Нет, дорогая моя, магия у тебя имеется. Иначе бы ты в этот вагон никак не попала. Причём не зелёная магия, а именно жёлтая, запретная, что нас, собственно, и заинтересовало... – тут Павел Андреевич, точно извиняясь, оглянулся на своих спутников.

Те сидели далековато, но явно не пропускали ни слова из их разговора. На гиганте с мраморным лицом это никак не отражалось. Его волновал только контейнер у его ног и, пожалуй, тубус. Человек-помидор же был важен, как языческий божок, которому кровью мажут губы. Спиной улавливая его настроение, Звенидраг изредка оглядывался и успокаивал его волнообразными движениями рук, как заклинатель змей свою самую сердитую гадюку.

– Всё же я думаю, что у тебя не обычное рыжё... То есть, конечно, рыжё в основе своей, но очень-очень слабо разведённое. Откуда оно у тебя, вот вопрос?

Ева жалобно распахнула глаза и замотала головой, показывая, что понятия не имеет. У каждой девушки есть соответствующее выражение лица, натренированное школой. Обычно оно применяется, когда девушку спрашивают, сколько будет 7,293 в квадрате, или просят переписать все малые реки России.

Евины гримасы – надо сказать, убедительные – не произвели на Звенидрага особого впечатления. Он высматривал в её лице что-то своё, одному ему понятное. Несколько долгих секунд он внимательно вглядывался в ту точку над её бровями, которую человек, когда злится, трёт пальцем, а потом мягко произнёс:

– Ведь ты не маг, не волшебница, верно?..

– Н-нет.

Звенидраг успокаивающе вздохнул:

– Охотно верю! И откуда у тебя рыжё, тоже не знаешь?

– Нет!

Павел Андреевич радостно закивал, очень довольный её ответом, и оглянулся на языческого божка.

– Вот и я говорю: откуда тебе знать? – громко, словно подсказывая Еве, какой версии придерживаться, произнёс он. – Может, ты её от бабушки получила? Или там подобрала на улице какой-нибудь предмет, пропитанный жёлтой магией... Веретено там какое-нибудь... Всякое,

знаешь ли, бывает... А тут электричка... Ты переживала, боялась опоздать, случайно толкнулась в нужную дверь – и всплеск магии привёл тебя сюда!

Ева сопела, окончательно сбита с толку. Звенидраг же, всё уже себе объяснивший, смотрел на неё добрыми глазами.

– Знаешь, как мы с тобой поступим? – соображая, он пожевал губами. – Ты куда едешь? В школу?

– Да.

– Вот и замечательно! Примерно... э-э... через двенадцать минут ты приедешь в Магску...

– В Магску? – удивилась Ева.

– Да. У вас Москва, а у нас Магска. Всё очень просто! Два города, но на самом деле один. Но не важно... ты выйдешь из вагона и обо всём забудешь. И как попала в вагон, и про наш разговор. В конце концов, человек не обязан помнить все электрички в своей жизни, особенно если ездит каждый день. Так или иначе происходит суммирование впечатлений... Наложим вчерашние воспоминания, продублируем – и всё будет чудесно... Ты согласна?

– Отличная идея! – сказала Ева с энтузиазмом. Только бы отделаться от этого городского сумасшедшего, а там уж пусть говорит что хочет.

Павел Андреевич радостно закивал, одобряя её сознательность, протянул руку, растопырил пальцы и собрался уже мягко коснуться лба Евы, но тут... из широкого рукава его куртки выползло непонятное существо. Толстое, жёлтое, окрашенное как шмель, с коротким полосатым хвостом, пушистыми лапами и мордочкой котёнка... Шмель с мордочкой котёнка?! Мама, я же просила тебя никогда не покупать грибы у незнакомых старушек! Хотя они и бедные, хоть и у станции стоят, но НЕ ПОКУПАЙ!

Самого Звенидрага появление шмеля удивило не меньше, чем Еву. Даже, пожалуй, больше. Не пытаясь схватить шмеля, он застыл. Свободной рукой схватился за карман и вытащил маленький контейнер. Контейнер был закрыт, и надёжно, но учёного это не ввело в заблуждение. Он коснулся контейнером щеки и простонал:

– Так и есть! Горячий! Он расплавил пластик! Надо было использовать керамику!.. Помоги мне открыть крышку! Не делай резких движений! – умоляюще зашипел он углом рта.

– А вы рукой его возьмите! – посоветовала Ева.

– Разве его удержишь рукой, если он не захочет? Контейнер, быстро! Если накрыть, он сразу не вылезет... А потом контейнер охлаждать, охлаждать...

Загадочное существо издало недовольный мяукающий звук. Прогреваясь, заработало крыльями, неторопливо, как вертолёт, оторвалось от рукава и, разом набрав скорость, врезалось в стекло вагона. В том месте, где оно ударилось в стекло, что-то золотисто полыхнуло. Существо развернулось и, отчаянно работая крыльями, врезалось в стекло напротив. Ещё одна вспышка!

– Не может расплавить! Ну почему я не использовал хотя бы стекло?! – простонал Павел Андреевич.

Летающий кот попытался вцепиться в окно когтями. Неважная идея! Удержаться у него не получилось. Кот съехал по стеклу вниз, уселся на пустой скамье и принялся чесаться задней лапой. Когда он чесался, шерсть заливало сияние, но не такое яркое, как когда он бился о стекло.

– Тиш! – зашипел Звенидраг, за руку притягивая Еву к себе. – Умоляю: не напугай! Мы его потом не поймаем!..

– Кто это? – спросила Ева.

– В разных культурах разные названия. Пчелокот, осокот, осомья... У нас он котошмель. Крайне редкий вид!

Не договорив, Звенидраг распахнул крышку и, отчаянно вскрикнув, бросился на котошмеля, пытаясь накрыть его контейнером. Котошмель заметался по вагону, ударяясь о стёкла и озаряя электричку вспышками. Павел Андреевич рванулся за ним, но остановился и безнадёжно опустил руку с контейнером. Какое тут поймать! Тут и глазом не уследишь! Котошмель врезался в стекло ещё с полсотни раз и, наполовину оглушённый, рухнул на скамью рядом с Евой. Ева присела рядом на корточки. Котошмель, следивший за ней глазами, выгнул спину и зашипел.

– Боишься меня? Я тоже тебя боюсь! – призналась Ева. – Котов я видела много, шмелей тоже немало, а вот котов и шмелей вместе...

Котошмель перестал шипеть и стал слушать её голос. У него была смешная маленькая мордочка с торчащими усами. И уши с кисточками как у рыси.

– Чем ты питаешься? Мышами? Нет, мыши тебя сами съедят. Мухами? Бразжниками? Мотыльками? – начала перебирать Ева.

Будто догадавшись, о чём она спрашивает, котошмель продемонстрировал ей клыки. Пасть для такого малютки у него была впечатляющая, а клыки – как два крохотных шила.

– Да, мотыльку не поздоровится. Таракану тоже... Ну и какие твои дальнейшие планы? – спросила Ева.

Дальнейших планов у котошмеля не имелось. Он явно не относился к числу тех, кто расписывает жизнь по минутам. Мало-помалу котошмель успокаивался, спину больше не выгибал и шерсть не топорщил. Ева осторожно протянула к нему руку, держа её так, чтобы котошмель хорошо её видел. Котошмель отодвинулся и предупреждающе зашипел, но взлететь не попытался.

– Сложный случай! – сказала Ева. – Значит, трогать тебя нельзя, но пообщаться ты не против. И что с тобой делать? Останешься в вагоне и будешь стучаться лбом о стёкла?

Голос Евы подействовал на котошмеля успокаивающе. Он перестал шипеть и позволил ей поднести руку ближе. Звенидраг, замерев, наблюдал за ними издали. Рот у него медленно приоткрывался, а лёгкие волосы разом встали дыбом. Не рискуя сразу взять котошмеля, Ева протянула указательный палец и легонько коснулась его носа. Котошмель зашипел и, выпустив когти, сделал лапой угрожающее движение. Ева немного отодвинула палец, выждала, пока он опустит лапу, и опять мягко коснулась его носа. И сразу убрала палец. Котошмель опять зашипел и махнул лапой, но уже не так решительно. Когда же Ева коснулась его носа в третий раз, он даже не зашипел. Ева начала гладить его – вначале только ногтем, а потом и подушечкой пальца.

Звенидраг издал неясный звук. Теперь он смотрел на Еву с выражением, с каким смотрят на сапера-новичка, перерезающего провод часового механизма. Котошмель плюхнулся на спину и, раскинув прозрачные крылья, вынулся, как ласкающийся кот. Брюшко у него было такое же полосатое, как и спина, но полосы шире и переход между жёлтым и чёрным более плавный.

– Вот ты какой: не нужна мне ваша любовь на словах – мне нужны обнимашки! – сказала Ева.

Котошмель замурлыкал. Мурлыканье у него было с сильным уклоном в жужжание.казалось, в груди у котошмеля гудит сердитая оса. По меху и крыльям прокатывались золотистые волны, и когда эти волны касались кожи Евы, то перетекали в неё.

Выждав немного, Ева посадила котошмеля себе на ладонь. Кто там говорил, что рукой брать нельзя? Ещё как можно! Котошмель перевернулся на живот, и Ева смогла осторожно ощупать его крылья. Крылья были жёсткими, прозрачными, с прожилками. Котошмель прижал уши и перестал мурлыкать.

«Ага... не нравится... Будем знать, что крылья лишний раз лучше не трогать!» – сказала себе Ева и опять стала гладить его по шерсти.

Мурлыканье возобновилось. Золотые волны покатались по меху. Достигнув Евиной руки, они некоторое время катились по её коже, но потом бледнели и исчезали – впитывались.

Рядом возникло восхищённое лицо Звенидрага:

– Так вот откуда твоё рыжьё! Как ты это делаешь? Как убеждаешь его тебе поверить?

– Кого убеждаю? Котошмеля? Никак!

Поезд остановился на станции. Распахнул двери. И опять все яркие пакеты, чемоданы, рюкзаки, все строители, старушки, мамы с колясками и поджарые офисные костюмы на электрических самокатах – всё, что стояло на платформе, хлынуло в соседние вагоны – этого же словно и не заметив. Будто и не существовало его вовсе – хотя он так же, как другие, трясся по рельсам, и у него были вишнёвые спинки сидений, и сетки для вещей, и такой же плакат в углу с капиллярной сетью станций, и трясущийся кондиционер под сиденьем.

– Почему сюда никто не садится? – спросила Ева.

Звенидраг отмахнулся:

– А! Обычный отвод глаз плюс небольшая преграда... Первого уровня магии довольно, чтобы её пройти... Ерунда! А вот то, что ты делаешь с котошмелем, – это уже не ерунда!

Котошмель, мурлыча, протискивался Еве между пальцами. По пальцам словно катились золотые волны. Изредка они сгущались, и там, где две волны сталкивались, возникала золотая капля.

– В книгах я встречал, что такое бывает – но это в книгах! Слышала фразу «Любовь творит чудеса»? А ведь это правда! Твой дар родился от любви. Животные почти перестали верить человеку. А тебе верят, потому что ты их любишь! – восхищённо сказал Звенидраг.

Ева вспомнила многочисленных собак, ходивших за ней как приклеенные. А их сомнительной стерильности языки? Никогда не знаешь наверняка, кого собачка, лижущая тебе нос, одаривала этой лаской до тебя. Не исключено, что найденную в парке дохлую ворону.

Звенидраг улыбнулся. Улыбка у него была мягкая и какая-то заблудившаяся.

– Как на тебя реагируют коты? – спросил он.

– Лезут на колени и начинают мурлыкать! – сказала Ева. – Я их стряхиваю, а они опять лезут. А почему вы спросили?

– Базовый тест. Кошки намурлыкивают рыжьё. Немного, но намурлыкивают. Они чувствуют, что ты их любишь.

Ева вспомнила, как в детстве подкрадывалась к котам с пульверизатором и пшикала им в нос.

– Да не сказать, чтоб сильно. Мелкие липучие гадики!

– Ты их любишь! Слова значения не имеют. Каждое животное отдавало тебе свою любовь, а любовь вполне вещественна. Видела это сияние и капли? Это она и есть. Тебе не надо было их убивать или использовать *сдуватель*, извлекая магию... И довольно много её у тебя! Долго, видно, копила! Интересно, насколько силен твой дар? Ты могла бы, например, заставить... нет – попросить котошмеля что-нибудь сделать? Например, облететь круг над твоей головой и опять сесть на руку?

Ева с сомнением покосилась на котошмеля и покачала головой.

– С котошмелем понятно... он высшее животное... А, скажем, насекомые? Могла бы ты попросить рой ос сложиться в воздухе в какую-нибудь надпись?

– Не уверена, – сказала Ева. – У ос своя логика. Если написать буквы вареньем на стене, может, они и сядут как надо, а чтобы в воздухе... Что-нибудь может перевесить мой приказ. Представьте, что на стройку падает самолёт с золотыми слитками и долларами. Разумеется, рабочие сразу кидаются их собирать, а вы мне говорите: «Попроси мужиков нагрузить грузовик цементом. Поработают часика три, а мы их потом чайком напоим!»

Звенидраг расхохотался:

– Пожалуй, мы подружмся! Ты прирождённый зоомаг! – Внезапно он прислушался к чему-то и удивлённо вскинул голову. – Кто-то идёт! Разве мы кого-то ждём?

И это было всё, что он успел спросить.

Двери, ведущие в тамбур, разъехались, и в вагон ворвались трое.

Первым гибко шагал худощавый мужчина с красной, будто солнцем опалённой кожей. У него были рыжие толстые, как проволока, волосы и огненные торчащие колючками ежа бакенбарды. Подбородок голый и розовый, как пятка младенца. За ним спешили толстяк с рулоном обоев в руках и девушка лет двадцати. У девушки было кукольное, очень красивое лицо, волосы, похожие на водоросли, и большие голубые, тоже несколько с кукольным уклоном, глаза.

Увидев вошедших, Звенидраг побледнел, подался назад, но, опомнившись, выставил руки и бросился к ним навстречу.

– Нет, зачем так?! Не надо! – воскликнул он.

Обладатель рыжих бакенбардов, злобно нахмурившись, отбросил его толчком в грудь. Звенидраг свалился, но сразу вскочил и схватил рыжего рукой за ногу, мешая ему идти. Рыжий что-то нетерпеливо крикнул. Толстяк наклонился и несильно ударил Звенидрага рулоном обоев по голове. Обои исчезли, а в руках у толстяка оказалась мерцающая палица внушающих размеров.

– Пламмель, что ты наделал?! Ты же обещал! – в ужасе воскликнула девушка.

Ева, сидевшая на корточках с котошмелем в руке, бросилась животом на пол и, распластавшись, забилась под сиденья. Рыжий обнял девушку, успокаивая её.

– Сам виноват! Не надо было лезть!.. В атаку! – кратко приказал он и хлопнул толстяка по плечу, посылая его вперёд.

Толстяк набычился и рванул вперёд. Границы его лица расплывались, а само лицо сползло обёрточной бумагой из слежавшегося тумана. Толстяк бежал и размахивал палицей с таким рвением, что антивандальные спинки сидений разлетались как дешёвые пластиковые стулья.

Однако на дистанцию применения палицы нужно было ещё прорваться. Богатырь с античным лицом вскочил на ноги и вскинул к плечу чертёжный тубус, превратившийся в трубу, оплетённую узором рун. Пространство рядом смазывалось и выпцетало. В ствол трубы со свистом втягивался воздух, а вместе с воздухом – всё, что вокруг, включая краски окружающего мира. Послышался сухой хлопок. Толстяка, так и не успевшего добежать, швырнуло вперёд, а потом сразу назад. Волшебная палица ещё катилась по полу, когда сверху на неё мягко свалилось нечто.

Ева, прижавшаяся щекой к полу, увидела упавший предмет совсем близко. Секунду она смотрела, не понимая, что это, а потом, чтобы не завопить, зажала себе рот рукой. Этой сползшей по воздуху тряпкой был сам толстяк. В нём не осталось ни капли жидкости – лишь одежда, кожа и волосы.

Гигант торопливо возился со своим оружием. Труба хрипела и дышала как живая. Девушка с кукольным лицом испуганно попятилась. Тот же, кого она назвала Пламмелем, только хмыкнул:

– Не бойся, Белава! Видишь, не стреляет? Водоглоту перезарядочка требуется! Вы огорчили меня, дражайшие клиенты! Я собирался убить лишь тех, кто окажет сопротивление! Но список, как вижу, расширяется! – Рыжий опасно улыбнулся и вскинул руку.

Тускло сверкнуло кольцо в форме обвинившей палец бронзовой змейки. От язычка змейки оторвалась маленькая жёлтая искра. Мелькнув в воздухе и обозначившись в ослеплённых гла-

зах выжженным следом, искра ударила гиганта в лоб. Гигант покачнулся и грузно завалился назад. Голова у него раскололась. Внутри она оказалась такой же мраморной, как и снаружи. Никакого мозга – только какая-то бумажка.

В два прыжка обладатель огненных бакенбардов приблизился к гиганту, ногой оттолкнул его водоглот в сторону и нацелил перстень в лоб мужчине с помидорными щеками. Тот схватился было за карман, пытаясь извлечь оружие, но локтем зацепил стоящий рядом ларец и неосторожно столкнул его на пол. Послышался негромкий, кричащий звук. Ларец распахнулся, воздух затянуло влажным туманом – и... ничего не произошло. Просто ларец на полу, и очень сердитый и одновременно перепуганный тип, так и не дотянувшийся до кармана.

– О! Какие люди в общественном транспорте! – с клоунскими интонациями воскликнул рыжий. – Сам Невер Нахаба, головняк по рыжью! Осторожно, Невер Невзорович, не вздумайте ничего доставать! Вашей тросточки, я вижу, с вами нет! Лучше отдайте мне что везёте и можете проваливать!

Обладатель красных щёк грубо ответил, что ничего не везёт, но при этом невольно взглянул на контейнер с окованными углами.

– Спасибо за подсказку! Приятно было пообщаться! Благодарю за сотрудничество! – с клоунскими интонациями произнёс рыжий и, легонько поклонившись, выпустил искру прямо в лоб Нахабе.

Римлянин времён упадка покачнулся и головой привалился к стеклу.

– Пламмель, ты обещал, что отпустишь его! – напомнила девушка.

– Разве я так сказал? Я сказал, что он может проваливаться... проваливаться в сон... Ты видела туман? – Рыжий легонько толкнул носком ларец. Затем поднял его, внимательно рассмотрел и нахмурился. – Не понимаю, что это... Не встречал таких прежде... Вроде бы ларец, а стенки внутри глиняные, как у кувшина... Вещество с двойными свойствами. Занятно, – и он, подбросив ларец, резко ударил по нему кулаком с перстнем на пальце.

– Тумана больше нет! – сказала девушка.

– Да, Белава! И джинн, увы, не появился... А я так надеялся, что какой-нибудь джинн исполнит моё желание! Поцелуй меня!

– Нет уж... если джинн исполнит, пусть он и целует! – сказала девушка насмешливо.

– Не шути так, умоляю! Я как-то видел поцелуй джинна – язык пламени метров восемь. А я всего лишь перепутал его четвёртое имя... Вместо ибн Сина... назвал его ибн Саня... – Пламмель щёлкнул пальцами и взглянул на часы, возникшие перед ним в воздухе. Часы сердито стучали, и маятник раскачивался. – Пора смываться, Белава! Через станцию вокзал, а там их встречают...

Обладатель огненных бакенбардов подхватил контейнер, мельком взглянул на то, что осталось от его спутника, и, пробурчав: «Не твой сегодня день!», хладнокровно переступил через тряпочку. Девушка с кукольным лицом засеменила за ним. Они почти дошли туда, где под сиденьями затаилась Ева, но внезапно послышался хлопок. Контейнер дёрнулся и открылся. Все вещи из него полетели в разные стороны.

– Пространственный якорь, яшень перец! Как же я не проверил! А всё ты со своими поцелуями! – с досадой выругался рыжий и вместе с девушкой торопливо бросился собирать вещи.

Ева, прижавшаяся животом к полу, снизу прекрасно видела всё, что они хватают. Она ожидала чего-то ценного или необычного, а тут всё было заурядно. Какая-то одежда, хомячье колесо, бутерброд с плесенью, несколько деревянных стрел, выбивалка для ковров, прищепки, вставная челюсть...

Пламмель и Белава кидали всё не в контейнер, который так и оставили валяться на полу, а в обычный с виду пакет. Правда, Ева заметила, что, хотя в пакет вталкивают порой очень крупные вещи, он всё прекрасно вмещает и даже не становится объёмнее.

Электричка, замедляясь, подъезжала к станции. Внезапно рыжий выпрямился и сердито спросил:

– Белава, ты его нашла?

Девушка мотнула головой:

– Может, да. Может, нет.

– Как это?

– Я торопилась. Бросала всё подряд.

Рыжий сдвинул брови:

– Ладно... после разберёмся... он мог быть под мороком... Сматываемся! – резко сказал он.

Белава замолчала, и оба быстро прошли в тамбур. Вскочив, Ева увидела, как в окне мелькнули их удаляющиеся фигуры.

Оставаться дольше в этом ужасном месте Ева не могла. Она бросилась по проходу, чтобы немедленно выскочить из вагона или перебежать в следующий, но тут что-то схватило её за лодыжку. Перчатка! Шерстяная! С редкими белыми полосками!

Ева отодрала перчатку от своей ноги и хотела отбросить, но перчатка успела перехватить её за запястье, а потом непонятно как, перебирая пальцами, вдруг оказалась у неё на руке. Ева выскочила в тамбур и оттуда на платформу, снова кратко почувствовав, словно продирается сквозь смыкающуюся за ней вощёную бумагу.

На платформе было полно народу. Но опять все упорно набивались в соседние вагоны, где образовалась давка, – этого же вагона не видели в упор. За воротом у Евы кто-то завозился, и на плечо выбрался котошмель. Отряхнулся. Расправил крылья. Почесался задней лапой. Вид у него был такой, будто он хочет сказать «мяу», но вместо этого котошмель зажужжал.

Глава 4

Визжок и любимая змея Клеопатры

Есть семьи, живущие групповым умом – прочным таким, в веках проверенным. Поддерживающие каждого своего члена, держащиеся как единый монолит. И даже если такие семьи не очень умны в отдельных своих зелёных веточках – они всё равно хорошо держатся на плаву. А есть вроде бы умные семьи, но где все члены отбегают друг от друга, не желая терпеть недостатки и неудобства – и семьи разваливаются, переставая существовать буквально на глазах: как обмылок в горячей воде.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Немного успокоившись, Ева решила избавиться от перчатки. Электричка к тому времени уже унесла своё составное тело к городу, и, сорвав перчатку с руки, Ева швырнула её с края платформы. Перчатка пару раз подпрыгнула и затихла рядом с выглядывающим из-под платформы полосатым матрасом, на котором, высунув язык, лежал грязно-жёлтый пёс уже, видимо, не дворянской, а железнодорожной породы. Грохот вагонов пса ничуть не пугал. Перчатку пёс обнюхал с вежливым любопытством, однако, ввиду её несъедобности, интереса к ней не проявил.

«Уж отсюда-то не вылезешь!» – мстительно подумала Ева про перчатку.

Решив, что на сегодня впечатлений достаточно, она на ближайшей электричке отправилась домой. Эта электричка была уже самой добропорядочной. Невидимая вощёная бумага не рвалась, магов не встречалось, а тамбуры были забиты дачниками и велосипедистами. Твёрдые рули велосипедов толкали Еву под рёбра, а каменные сумки дачников – под колени, но она так и проторчала в тамбуре до своей станции. Всё вроде бы было нормально, но Еве мерещилось, что кто-то не сводит с неё глаз. Два или три раза Ева останавливалась, а один раз даже пошла навстречу потоку, но опять же ничего подозрительного не обнаружила. Ни рыжего Пламмеля, ни его спутницы Белавы, ни кого-либо ещё.

«Померещилось!» – подумала она и заставила себя выкинуть всё из головы.

Мамы дома уже не было. Ева протиснулась в прихожую, из неё в полутёмную, с тикающую часами комнату – и плюхнулась на диван, который, как старый трухлявый гриб, немедленно окутался пылью. Запах пыли и сам диван действовали на Еву успокаивающе. В детстве дедушка часто рассказывал ей на этом диване сказки, где традиционный сюжет щедро дополнялся красочными сценами:

«Ну, короче, идёт Иван-царевич по лесу, а навстречу ему зомби. Типичный такой челюстноротый гомидид. Открывает он свои жевала и спрашивает: «Ты, Иванушка, печень мою не видел? Найди её, а я тебе пригожусь!» Нашёл Иванушка его печень и пошёл дальше вдоль реки. Видит: навстречу ему русалка плывёт, а в руке у неё змея. «Иванушка, змею мою не поддержишь?» Смотрит Иванушка на змейку – а это коралловый аспид, любимая змея Клеопатры. «Ах! – восклицает он. – Чудо какое! Вторичноротый эукариот! Хордовый, позвоночный! Инфракласс: лепидозавроморфы! Зрачок вертикальный! Окраска ярко-контрастная, с чередованием красных, жёлтых и чёрных колец! погоди, я зомбика позову её поддержать! Он свою печень нашёл, ему теперь всё можно!»

Ева обожала дедушкины сказки настолько же, насколько их боялась. После таких сказок ей повсюду мерещились монстры, и все они тоже были эукариоты, все хордовые, все плацентарные и позвоночные. Чтобы спасти ребёнка от неумного дедушкиного воображения, мама придумала, что этот диван – волшебный. Пока Ева сидит на нём – ни один монстр не сунется.

И Ева слушала дедушкины сказки только на этом диване. Вот и теперь она сидела на нём, переживая испытанный в электричке страх, и у дивана искала спасения.

«Ничего не было! Мне всё померещилось!» – сказала она себе.

Котошмель вылез на спинку дивана и широко зевнул, продемонстрировав Еве, что и он тоже ей померещился. С полчаса просидев на диване, Ева успокоилась и прочитала котошмелю небольшую лекцию о бредовых видениях.

– Ты будешь глюк номер шестнадцать, – сообщила она.

Котошмель глюком быть согласился, но тут же взлетел и, перехватив в воздухе у шкафа моль, занялся питанием. Пока он уплетал моль, Ева начала включаться в привычную жизнь. Написала маме, что вернулась домой, потому что у неё разболелась голова. Поначалу Ева собиралась написать правду, но на экране телефона правда выглядела полным бредом:

«Мам, тут такое было! Маги в электричке поубивали друг друга, а одного даже выпили какой-то трубой. В школу я, короче, не пошла. Ты там предупреди классную, что ты в курсе».

Сама Ева с классной руководительницей старалась общаться как можно меньше. Классная была не злая, как учительница в целом нормальная, но очень уж вкрадчивая. Еве постоянно казалось, что она ходит кругами и вынюхивает неблагополучие, как лисичка, издали приглядывающаяся к больной птичке. Вроде бы и ничем ещё птичка себя не выдала, и зёрнышки клюёт, и в стае держится – а лисичка уже задумчиво так к ней присматривается.

Про уход папы ни мама, ни Ева ничего ей не говорили, но кто-то из девчонок в классе, видно, проболтался. Недели две назад классная вдруг села рядом с Евой и проникновенно сказала, что, когда ей было десять лет, её папа с мамой развелись, а у папы были огромные аквариумы с рыбками. И папа уехал, и аквариумы уехали вместе с ним. И никогда больше у них аквариумов не было. Классная говорила об этом просто, без особенных эмоций, но в её рассказе была тихая грусть и тоска. И одновременно взгляд лисички... Странная смесь. Ева буркнула, что да, рыбок жалко, и с тех пор старалась лишней раз классной на глаза не попадаться.

Размышляя о странных изгибах правды, которая своей запутанностью сама словно подталкивает ко лжи, Ева ответила на мамин звонок. Да, все в порядке. Да, голова больше не болит. Да, наверное, вчера поздно легла. Что делаю? Да ничего. Сажу вот на диване.

Ева щелчком стряхнула с колена крылышко моли и покосилась на котошмеля, деловито заползающего ей в рукав. Котошмель мурлыкал с отзвуком дрели, и золотистые волны, сбегая с его полосатой шкурки, выкатывались Еве на запястье.

– Хорошо, что ты мелкий, – похвалила Ева. – Тебя легко спрятать... Компактный такой домашний глюк! – Пошла в ванную. Умылась холодной водой. – Ну, значит, вот! – сказала она. – Сегодня день пошёл криво. Вечером я лягу спать, а утром встану – и всё это безобразие исчезнет...

Она разглядывала своё лицо с мокрыми бровями и каплями воды на щеках, когда кто-то пальцем постучал ей по ноге. Ева осторожно опустила глаза. На полу лежала перчатка, раздувшаяся, как объевшаяся лягушка. Пытаясь залезть по Евиной ноге, она срывалась и падала от собственной тяжести. Ева с ужасом отпихнула перчатку ногой. Та подползла снова. Пожав плечами, Ева осторожно подняла её и перевернула. Из перчатки посыпались мелкие монетки, несколько кондитерских мелочей, которые обычно продают в супермаркетах на кассах, и последним выкатилось золотое кольцо.

– Опс! – сказала Ева. – Кто-то не тратил времени зря... И кому мне это теперь возвращать?

Перчатке понравилось, что её опустошили. Она опять стала лёгкой, могла карабкаться по ноге и ловко перескакивать с одного предмета на другой: стиральная машина – край ванны – кран. Потом перчатка исчезла, но прежде чем исчезнуть, стащила с раковины колпачок от

зубной пасты. Ладно: золотое кольцо принесла – колпачок от пасты стащила... Баланс пока терпимый...

Позвонил папа и поздравил с днём рождения. В поздравлении своём он был подробен и деловит, будто зачитывал заранее приготовленную речь. Речь была чёткой и легко дробилась по пунктам. Здоровья. Успехов в учёбе. Серьёзного подхода в подготовке к экзаменам. Подарок будет тогда-то и такой-то.

– Ты сегодня не приедешь? – спросила Ева.

Папа помедлил. Скорее всего, ответа на этот вопрос в заранее подготовленной речи не значилось.

– Сегодня не смогу. Работы много. В субботу приеду, как всегда.

– Ну, тогда пока, – сказала Ева. – До субботы!

В разговоре возникла заминка. Папа думал, что бы ему ещё спросить. Наконец нашёлся:

– Ты как? Что делаешь? Не скучаешь?

– Да нет, день был динамичный, – сказала Ева.

Когда трубка замолчала, Ева опять вдвинулась в полутёмную кухню. И застыла на пороге. К окну с уличной стороны, пытаясь что-то разглядеть между полуприкрытыми шторами, прильнуло лицо. Чтобы лучше видеть, оно втискивалось носом в стекло, и сплюснутый побелевший нос, прижатый к стеклу двумя дырочками, казался свиным рыльцем.

Ева вскрикнула. Лицо отлипло, на миг обретя целый, совсем не кнопочный нос, и мгновенно исчезло. Ева подбежала к окну. Участок просматривался до забора, и успеть перелезть или хотя бы добежать до него было никак нельзя. Просто участок, просто сирень, несколько яблонь и две сосны. Однако снаружи никого уже не было.

– Глюк номер семнадцать, – мрачно сказала себе Ева и подумала, что, возможно, стоило начать счёт с единицы. Семнадцатью глюками дело явно не ограничится.

Мама вернулась в одиннадцать вечера. И это для неё было ещё рано. Дневное представление начинается в 14:30, вечернее – в 19:00 и заканчивается после девяти. После представления зверей надо накормить, прогулять, рассадить по клеткам – начиная с мирного, косолапого, внешне неуклюжего енота, который, если не уследить, мигом оставит без глаз любую собаку. Причём предупреждать и шипеть не будет: не в его это правилах. Да и возню с цирковыми костюмами – чистку, глажку, подшивку – мама никому не доверяла. Глупо думать, что если оставить на девочке-пуделихе платье – жёсткое, дорогущее, с каркасом и алыми розами на юбке, – то она будет всю ночь стоять посреди клетки и им любоваться.

Мама долго возилась на кухне, тихо ругаясь и что-то роняя. Ева как могла помогала маме сохранять таинственность, с вопросами не лезла, даже подбросила к дверям спички, когда по некоторым звукам из кухни поняла, что возникла заминка. Мама высунула из кухни руку – и спички исчезли.

Чиркнув спичкой, мама помедлила и наконец позвала:

– Иди сюда!

В кухне был погашен весь свет. По тёмному столу, как по водам ночного озера, медленно проплывала ладья с четырнадцатью горящими свечами. Круглые кремовые щиты, мачта из бамбуковой палки, парус из бумаги. Съедобные викинги, защищая шоколадные бороды, грозили Еве короткими вафельными мечами. Огонёк свечей от сквозняка шарахался то вправо, то влево. По кухне скользили причудливые тени.

– Вот... – сказала мама. – Женщина у нас одна на работе делает... Вообще-то она предлагала принцесс. Я, зная твои вкусы, предложила пауков и скорпионов, но у неё не было готовых

форм, и мы сошлись на викингх. Вот этот вот главный, их конунг. Его предлагается съесть первым! С днём рождения, дочь!.. Задувай!

Ева дунула на свечи. Тринадцать погасли сразу, а огонь с четырнадцатой неожиданно перекинулся на бумажный парус, и он запылал так ярко, что бороды викингов закапали шоколадом. Мама ахнула и, выдернув парус вместе с мачтой, кинулась к раковине.

Потом они ужинали, отпиливая куски ладьи и пока щадя викингов. Ева готова была поспорить, что викинги за два дня останутся без ладьи, после чего всем отрядом переключаются в холодильник. И у мамы и у Евы рот не откроется их съесть. А в субботу придет папа, и викингам настанет конец. Папа герой и не терпит в доме посторонних мужчин. Правда, и сам в нём не живёт.

Мама то смеялась и шутила, то вдруг затихала и долго рассеянно смотрела в стену. У Евы под свитером в районе подмышки щекотно возился котошмель. Ева дёргала плечом, но котошмель всё не успокаивался. Он явно устраивался на ночь и рыл себе нору.

– Ты страдаешь? Ну что дедушка умер и с папой у вас всё не так... – внезапно спросила Ева.

Мама с укором взглянула на неё.

– Не знаю, – ответила она, немного помедлив. – У меня времени нет об этом думать. Наш школьный физик любил повторять, что, если бы человек умел бегать со скоростью двести семьдесят три километра в час, он смог бы передвигаться по воде как по суше.

– Это тот же физик, который рассчитывал, сколько взмахов ушами человеку нужно сделать, чтобы взлететь? – спросила Ева.

– Да.

– И сколько?

– Не помню точно, но очень много.

Быстро темнело. Солнце завалилось за трёхметровый соседский забор, да так там и осталось. Утром оно покажется уже из-за забора других соседей, который тоже таращится кучей камер. Когда однажды Ева забросила им на участок яблочный огрызок, соседи это зафиксировали и потом показали маме это ужасное деяние, заснятое на цифру и тщательно смонтированное. Чтобы они отстали, мама охала и притворялась рассерженной, а потом шёпотом сказала Еве: «Я думала, только наш пудель кукукнутый...»

Теперь Ева мельком подумала, что можно было бы попросить соседей посмотреть на камерах, не запечатлелся ли на них тот парень, прилипший носом к их стеклу... Нет, наверное, не стоит. Слишком хороший вечер. Мама просветлённая, и торт, и день рождения, и котошмель...

После ужина Ева поднялась к себе и открыла скетчбук, служащий ей дневником. В нём она рисовала, сюда записывала свои мысли, заметки о животных, клеивала театральные афиши, меню из кафе. Сейчас Ева просто сидела на стуле и поглаживала ладонью плотную бумагу. Ей хотелось распутать клубок сегодняшнего дня, что-то зарисовать, записать, что-то для себя понять – но никаких сил уже не оставалось.

На часах было уже далеко за полночь.

– Надо сделать что-то великое! – тут Ева зевнула в первый раз. – Что-то такое замечательное, сильное, особенное! Что-то такое, чего никогда не было и что потрясло бы всё человечество! Даже не знаю... – сказала она и... легла спать.

Ночью Еве снились бредовые сны. Словно она, затаившись, сидит в тёмной комнате, а её ищет огромная рука. Вот она шарит повсюду, трогает предметы. Комната большая, но рука всё ближе, ближе...

И вдруг рядом что-то завывало, захлопало, слышались возбуждённые голоса. Все это втиснулось в сон, сон, не вместив новых впечатлений, треснул по шву – и Ева проснулась. На соседском участке случился переполох. Приехала полиция. Спологи от мигалки озарили забор. Мама вышла посмотреть, в чём дело.

– Говорят, кто-то к ним лез... Ужасно надоели, параноики! – сказала мама, зевая.

Ева напряглась.

– Кто лез? – спросила она.

– А я откуда знаю? На камерах какой-то бред... то бабки, то гномики какие-то... Их бы к нам в цирк! Вот где фокусники! Кладёшь пачку кофе в железный ящик, закрываешь на ключ. На другое утро открыла – полпачки кто-то отсыпал и на шоколаде следы зубов...

И мама легла спать. Через два часа Еву разбудил крик петуха. Петух жил в доме наискосок – у единственной более-менее нормальной соседки, у которой тоже не было камер и электрического забора. Петуха соседка купила два года назад, чтобы его зарезать. Не зарезала. Пожалела. Потом решила, что петух вошёл в возраст, и решила его женить. Купила ему курицу. Потом ещё курицу. Теперь кур у соседки было с десятков, а петух часов с пяти утра начинал радостно встречать рассвет.

Ева встала и отправилась кормить своих зверей и проверять, кто новый родился за ночь и кто кого съел. К сожалению, такие моменты происходили регулярно. Из дома она вышла пораньше, чтобы не ехать на ужасной электричке в 8:02, которую она теперь боялась. Кто знает – вдруг к ней каждый день прицепляют магический вагон?

Вот она родненькая электричка в 7:41! Вагоны красные, прекрасные! Люди ходят, люди бродят, люди голос подают. То контролёры толпой пробегут, то безбилетники, то кто-то с динамиком на груди продаёт свежую прессу. Эта электричка хорошая, шумная, а вот та, что в 5:40, – это тихая жуть. Как поезд на тот свет. В вагоне только четыре лампочки горят, все пассажиры сидят тихие, ссутуленные, все отдельно. Кто-то дремлет, кто-то себе шапку натянул на самые глаза – а за окном такая сосущая темень, такая слякоть, и дождь бежит по стёклам.

Ева доехала до вокзала, вышла и позволила толпе нести себя к турникетам. И тут она увидела их. Четверо мужчин и женщина. Они стояли немного в стороне, у колонн за турникетами, словно кого-то поджидали. Один, держа в руках большой фонарь, направлял рассеянный свет этого фонаря на толпу. Причём не хаотично ёрзал лучом туда-сюда, а держал фонарь так, что невозможно было пройти через турникеты, не попав в луч. У женщины в руках была книга с прорезью в обложке, и если кто-то казался ей подозрительным, она смотрела на него сквозь прорезь.

Остальные трое обеспечивали охрану – стояли за спинами этих двоих, держа в руках разные предметы. Один – туристический коврик, другой – большую подушку, а третий – дерево с обмотанными пакетом корнями. Предметы вполне невинные, но когда Ева посмотрела на подушку в первый раз, то наволочка на ней была в красный горошек, а когда во второй – красный горошек исчез, зато появились какие-то яблочки, причём даже близко не красные. Да и с деревом творились не меньшие чудеса. В первый раз оно смахивало на яблоню, а потом вдруг стало ёлкой.

Еву отделяло от турникетов метров десять. Проход в этом месте сужался, и люди, которым она мешала проходить, сердито толкали её в спину. Ещё немного – и силой толпы её должно будет пронести сквозь турникеты, где она сразу попадёт в луч, чего она почему-то боялась.

Ева попятилась, надеясь выбраться из толпы, и налетела на женщину, толкнув её рюкзаком с учебниками. Женщина не обиделась, даже напротив.

– Не пропускают? Дуй за мной! Ребёнка затолкали! Дорогу, граждане! – закричала она и, ухватив Еву за лямку рюкзака, потянула её за собой к турникетам. Ева отчаянно рванулась

у неё из рук. Женщина, не отпуская, начала кричать ещё громче. Никогда люди не орут так громко, как когда пытаются сделать доброе дело, а им мешают.

На шум повернулся тот самый тип с фонарём – молодой, с чёлкой как у пони. Напряжённо заскользил глазами по толпе и вдруг вскинул фонарь, осветив подозрительное место. Испытывая неосознанный ужас перед этим лучом, Ева присела на корточки, укрывшись в толпе, а потом на четвереньках поползла назад к электричке.

Женщина её уже не держала. Пытаясь не думать, как выглядит со стороны, и не слушать ворчание людей, которым она мешала, Ева проползла шагов десять, вскочила, уверенная, что луч ей больше не страшен, – и почувствовала жжение. Повернув голову, она увидела, что к её левому плечу прилипла оранжевая нить. Ева рванула её – бесполезно. Нить растягивалась, как влажный клей, покорно провисала, петляла в толпе, огибая людей, но не рвалась. Ева попыталась избавиться от неё: бегала вокруг столбов, заставляя нить обматывать их, а потом резко дёргала, пыталась скинуть куртку, надеясь, что нить прилипла к одежде, а не к коже – куда там! Избавиться от нити было так же невозможно, как перерубить ножом луч солнца.

Решив уехать на ближайшей электричке, Ева метнулась к вагонам, но чья-то рука цепко ухватила её за запястье. Она оглянулась и увидела парня. Лица его было не разглядеть: до носа оно было прикрыто козырьком бейсболки, на которую сверху был натянут ещё и капюшон. Отчётливо Ева различала только его губы, часть щеки и носа. Роста среднего, гибкий. Было в нём что-то гимнастическое. Стоял не сутулясь, а даже как бы чуть прогибаясь назад. Ева много повидала циркачей на своём веку и умела уловить эту цирковую расслабленную жилку.

– Не дёргайся! Магзели тебя заарканили! Теперь паутина так и будет волочиться! – парень кивнул на прицепившуюся к Еве нить. – Ты всерьёз, что ли, думала, что от паутины можно ползком удрать? Теперь слушай... Придётся прорываться!.. Бежим! – Он оглянулся, прикидывая расстояние, и, не отпуская руку Евы, побежал.

Уже через десять метров у Евы возникло чувство, что её ноги отрываются от земли. Парень тащил её так, словно её прицепили к грузовику. Задев кого-нибудь, Ева всякий раз вежливо и мягко произносила «ой!». Потом, по мере того как парень ускорялся, она говорила уже «ай!», потом «ах!», а затем и вовсе ничего не говорила, потому что люди валились вокруг, как кегли. Внезапно парень остановился, взглянул на нить и покачал головой:

– Нет, так не прокатит... Не оторвёмся! Я визжок сейчас метну – не дрейфь! И уши заткни, хоть это и не сильно поможет.

– Визжок? – не поняла Ева.

Парень истолковал её слова по-своему. Видно, решил, что она в курсе:

– Отличный визжок! Заправлен с перебором – мало не покажется! Толпа понесётся, а мы за ней прицепом! А если магзели аркан бросят – стой как столб и глаза закрой, не то запакуют!

Ева оглянулась. Мужчины за турникетом о чём-то совещались. Потом двое рванули вперёд, а трое, включая и женщину, остались. «Паутина», прилипшая к Еве, тащилась за ней как поводок, служа преследователям путеводной нитью. Они ещё не пробились к Еве, когда из-за спины у девушки вылетело нечто среднее между консервной банкой и юлой. Непонятный предмет пролетел метра три по воздуху, шлёпнулся на землю и начал раскручиваться, быстро набирая скорость. Вначале звук был просто громким, резким и неприятным, словно где-то на крыше испытывали сирену гражданской обороны, а затем у тебя в ушах будто одновременно заскандалили пять тысяч детей.

Но и это был ещё не предел. Чем стремительнее раскручивалась юла, тем непереносимее, визгливее и противнее становился звук. Он наполнил всю площадь, колот как стеклянные иглы, пробивался сквозь ладони, которыми Ева зажимала уши. От него не было спасения.

Несколько человек, находившихся к визжоку ближе прочих, звуком были сбиты с ног и отползали на четвереньках – ничего не соображающие, бледные, с распахнутыми ртами. Один мужчина попытался прыгнуть на визжок животом, чтобы заставить его замолчать. И звук

действительно стал тише – во всяком случае настолько, что Ева осознала, что рядом с ней стоит парень в бейсболке и капюшоне, дёргает её за руку и орёт ей на ухо:

– Видела, что он натворил?! Нельзя было на него бросаться! Сейчас такое начнётся! – И он потянул Еву за собой.

Хотя парень был худощав и лёгок, в толпе он нёсся как пушечное ядро. Кого-то сносил с ног, кого-то огибал, кому-то сипло вопил в самое ухо: «Осторожно! Здесь дети! Дорогу цветам жизни!» – а в следующий миг уже наступал бедному человеку на спину, протаскивая за собой и Еву, едва успевавшую пискнуть «Извините!».

Они пробежали не больше пятидесяти шагов, когда сзади что-то лопнуло. Это был уже не звук, а дробящая сила, которой невозможно было противостоять. Стёкла трескались и осыпались мелкими льдинками. Гнулся пластик на рекламных стендах, мусорные урны исторгали бумажки. Толпа ахнула, на миг застыла, а потом, распахнув рты и закрыв головы, движимая единым порывом, ринулась на турникеты.

Тех троих, что пытались преградить дорогу, смело в одно мгновение. Ева увидела только, как мелькнул туристический коврик, а потом его обладатель исчез под ногами толпы. Тип с подушкой, не растерявшись, каким-то образом ухитрился забраться на будку контроля. Ева увидела его уже наверху – деловитого, точно и не страдающего от звуков визжака. Высматривая в толпе ту, к которой тянулась нить, то есть Еву, он неторопливо поднимал над головой подушку. А потом метнул её. И опять было как в электричке: контуры подушки прорвались, повисли неоформленным туманом и растаяли. Сеть, сотканная из плотных серебристых лучей, раскрывшись, стала падать на Еву сверху. Размером она была с хорошую комнату и с очень частыми ячейками.

– Замри! Глаза закрой! – крикнул её проводник и, отпустив запястье Евы, застыл как истукан.

Ева послушно зажмурилась. Когда несколько секунд спустя она вновь открыла глаза, то обнаружила, что сеть её не коснулась. Всех же прочих, бегущих рядом, за исключением парня, она накрыла, сразу став невидимой. Люди, накрытые исчезнувшей сетью, продолжали двигаться, но так замедленно, что на их задержание можно было посылать бригаду черепашек.

– Бежим! – рявкнул парень.

Он вновь попытался сгрести Еву за руку, но Ева, отпрыгнув, смешалась с той частью толпы, на которую действие магии не распространялось. Теперь ей приходилось пробиваться самой, и она сразу уловила разницу. Её завертело, как в водовороте, щепкой прокинуло мимо будки охраны и понесло прямо на колонну. Каким-то чудом она смогла избежать столкновения и, воспользовавшись тем, что толпа, огибая колонну, невольно замедлялась, юркнула резко влево, на узкую лесенку.

Сбежав на несколько ступенек, Ева оказалась в узком, служебного назначения коридоре. Толстые стены ослабляли звуки визжака. Впереди, далеко, у другой стены здания, угадывался выход на привокзальную площадь – а дальше свобода, свобода!

Цепляя стены, Ева пролетела коридор. Впереди она уже видела шумящую машинами площадь, но в последний момент её руки ткнулись в решётку. Это была декоративная решётка, запертая на цепь с замком. И замок детский, и решётка дрянь, но вместе они сразу обрвали надежду Евы на спасение.

Ева трясла решётку. Цепь звенела. Замочек прыгал. Люди, идущие по площади, с удивлением на неё оборачивались и проходили мимо. И всё было бесполезно. Ева повернулась. По коридору к ней неспешно двигались двое. Один – тот, молодой, с чёлкой, как у пони, – держал в руке фонарь. Его спутник, добродушный на вид дядечка средних лет, нёс дерево – ту самую яблоню, ставшую ёлкой. Пакет на корнях шевелился, как живой.

– Про паутинку-то забыла! – торжествующе воскликнул молодой и махнул фонарём. Световая нить втягивалась в фонарь, провисшие петли её сматывались, не путаясь. Его спутник провёл деревом по воздуху, стирая туман. Руки Евы отяжелели, а саму её потянуло в сон.

– Точно девчонка! Без морока! Она же, выходит, и визжок бросила!.. – сказал древоносец.

Чёлочка молодого подпрыгнула от рвения:

– Как прикажете паковать? По процедуре?

Тот, что держал дерево, задумался. На вид он был толстый, добрый и романтичный. Но с переключением в деловой режим. Вот и сейчас на его добром лице отразилось нечто вроде меланхолической грусти, сквозь которую внезапно проступило суровое и твёрдое выражение. Из манной каши всплыла подводная лодка.

– По процедуре! – строго подтвердил он, и провисший оранжевый луч натянулся, вновь вписавшись в привычные законы физики.

– Не шевелись! – торжественно произнёс обладатель чёлочки. – Ты задержана за использование запретных магических предметов, а также за хранение и применение недозволенной магии! По закону я должен зачитать тебе твои права! Ты имеешь право дышать носом или ртом – по своему усмотрению! Глазами молний не метать! Пальцы на руках держать так, чтобы я их видел! Не скрещивать, не шевелить!

– А волосами шевелить можно? – зачем-то брякнула Ева.

Всё происходящее казалось ей бредом. Может, надо как во сне: рвануться – и оказаться в следующей серии? Ева так и поступила, но ничего не исчезло. Всё осталось на своих местах. Лишь визжок затих – видно, выдохся. Про волосы Ева сказала, конечно, в шутку, но шутка оказалась смешна только ей. Обладатель чёлочки вздрогнул и тревожно уставился на свой фонарь.

– Магия горгон? Выше седьмого? – вполголоса спросил его спутник.

– Сканером не подтверждается. Да кто ж его знает, – тревожно отозвался молодой.

– Скверно! Хотели по-хорошему взять, а теперь пакуй её в полный кокон, чтоб глазом моргнуть не смогла! Видел я тут одного после магии горгон... Пальцем толкнули – а он в песок... – нервно сказал его начальник и, как копьё выставив вперёд дерево, стал опасливо подкрадываться к Еве.

Однако добраться до Евы он не успел. Вынырнув откуда-то сбоку, рядом вырос тот паренёк в капюшоне и чем-то быстро кольнул его в спину. Древоносец начал было кривиться, но так и застыл с несформировавшимся выражением ужаса на лице. Паренёк ловко укрылся за его телом и вскинул к лицу руку. Ева увидела конец какой-то трубки. Из трубки вылетела короткая стрелка и воткнулась в ляжку молодому. Тот дёрнулся, удивлённо наклонил голову, чтобы посмотреть на свою ногу, – да так и застыл.

Парень в капюшоне приблизился к нему и, держа наготове трубку, несильно хлопнул его по плечу. По желеобразному телу прошла волна.

– Слюна сфинкса... Теперь магзели долго не рыпнутся! Надо следы замести! – объяснил он Еве, после чего выдернул стрелку сперва из ноги молодого, а потом из спины его начальника. Стрелки были короткие и напоминали самодельные дротики – такие пробки с шипом, украшенные перьями.

Ева оглянулась на держащую её нить. Нить провисла, но тянулась к фонарю в руке у молодого. Ева осторожно приблизилась. Слюна застыла на губе у молодого, словно капелька клея.

– Он жив?

– Само собой! – заверил её парень. – Противоядие впрыснут – через час станут как новенькие! А вот помнить будут только тебя! Меня-то они и увидеть не успели! Ох, как нехорошо ты поступила с магзелями! Ещё и карманы обшарила!

– Какие карманы? – не поняла Ева.

– Да вот эти... – спокойно объяснил паренёк и, не тратя времени даром, занялся делом.

Движения у него были опытными, неназойливыми. Он не столько потрошил карман, сколько застенчиво с ним знакомился. К некоторым карманам он лишь прикасался снаружи и сразу терял интерес, другие же деловито и тщательно выворачивал. Вытащил какую-то коробочку, которую, мельком заглянув внутрь, переложил к себе, и закопчённую трубку с короткой ручкой. Между двух торчащих из трубки костей пробегала молния.

– Блокиратор с электрошоком! – возмущённо сказал парень. – А ещё врут, что его не используют!

Показывая, как это действует, парень направил трубку с костями на застывшего древоносца, что-то надавил – и того вдруг сильно затрясло. Желе заходило волнами.

– Не надо! Это же больно! – воскликнула Ева.

– А если больно – чего они её носят? Раз носишь – значит, получай! – хладнокровно заметил парень и сунул блокиратор в карман. Затем выдернул из руки у молодого фонарь, деловито оглядел его, дважды несильно тукнул о стену и торопливо бросил на пол. Фонарь погас и с негромким хлопком втянулся сам в себя. Оранжевая нить, тянувшаяся к Еве, исчезла. – Вот! – сказал парень. – За тобой должок! Если б не Филат-стожар – упаковали бы тебя по полной!

– Филат... кто? – переспросила Ева.

Парень в бейсболке склонил голову – сначала чуть направо, потом чуть налево, – не веря, что можно этого не знать:

– О стожарах не слышала?! Ты серьёзно? – Он шутовски поклонился и сдёрнул с головы бейсболку.

Не старше семнадцати. Кожа смугловатая. Глаза чёрные, с уклоном в цыганщину. Волосы тёмные, выющиеся. Брови густые, сходящиеся на переносице, волосы в них растут как попало и под разными углами: словно выстригли и приклеили шерсть из шубы.

Что-то в этом лице – и особенно брови – показалось Еве знакомым.

– Чего это ты вдруг вздумал мне помогать? – спросила она.

– Да уж не первый день... – ответил он с усмешкой.

– А... вот оно что!.. Это ты к нашему стеклу носом прилипал? Следил за мной? Зачем?

– Да разве это слежка?.. Понять хотел, что ты за человек...

– И ночью тоже ты? Когда у соседей сирена выла?

Филат присвистнул с лёгким смущением:

– Расслабился слегка, не заметил... Целый год провёл в ларце!

– В каком ларце?

– Ларец в электричке помнишь? Красиво меня тогда подловили. Многим ещё предстоит сказать спасибо. Хотя есть и приятные моменты. Надеюсь, Фазаноль про меня забыл. Хотя я вот про Фазаноль помню... – Последнюю фразу парень пробормотал себе под нос. Настроение испортилось просто на глазах. Нахлобучил бейсболку и опять накинул капюшон. – Пора уходить! Ты со мной? – он решительно повернулся лицом в сторону площади трёх вокзалов.

– Там цепь и замок! – сказала Ева.

– Кошмар! Что ж мы, бедные, будем делать? Не иначе как помирать! – картинно ужаснулся Филат. – У меня ни отмычек – ничего. Придётся тупо пообедать! – Он дёрнул цепь, натянул, а затем, наклонившись, просто перекусил её.

– Ты железо перегрыз?! – испуганно спросила Ева.

– Зачем? Я цепь в баранки превратил. Надо теперь или целиком доесть, или с собой забрать, а то меня по магии вычислят.

Захватив с собой съедобную цепь, Филат перекинул её через плечо и, изредка откусывая от неё, двинулся на площадь. Но вдруг остановился и хлопнул себя по лбу:

– Совсем забыл! Дай мне что-нибудь... Только быстро!

– Что дать?

– Да что угодно! Что-нибудь ненужное!

Ева сунула стожару жёлудь, подобранный несколько дней назад у школы.

– Разве это ненужное? Из жёлудя можно дуб вырастить... Ладно, мы не скряги!

Филат бегом вернулся назад, сунул жёлудь в карман магзеля, у которого недавно забрал коробочку, и, обращаясь к нему, назидательно произнёс: «Стожары не воры! Менять можно, красть – ни-ни!» – и вновь выскочил на площадь.

Глава 5

Кап Магр бережёт

– Писать книги несложно. Надо поселить у себя в голове много разных людей, и чтобы они все рассказывали свои истории.

– Ага. А потом придёт доктор.

– Ну и прекрасно. Он и так уже давно живёт в моей голове!

Йозеф Эметс, венгерский философ

На площади Филат подхватил Еву под локоть и повлёк её вдоль здания вокзала:

– Плохо дело. Надо не светиться, хоть на пару-тройку часов где-то залечь... Как только они своих найдут – план-перехват объявят.

– Мне в школу надо!

Стожар ужасно удивился:

– Ты в школу ходишь?! У людей, что ли? С твоим-то рыжьём?! Зачем?!

– А экзамены?

Филат презрительно фыркнул:

– Вопрос на пять капов! Приобретаешь у меня талисман удачливости, привязываешь его на ручку – он небольшой совсем, просто шнурок с узелками – и начинаешь строчить на бланке чего в голову взбредёт. Чернила ручки сами выпрямляются, переползают на нужные места – и всё... А то некоторые две-три чёрточки мазюкнут, а потом заявляют, что талисман виноват, что они экзамен завалили... А ты не поленись! Нарисуй хоть бегемотика! Создай запас чернил! Один раз в жизни не пожалей себя! Талисман же тебе чернила из воздуха не вытянет!

Филат дошёл до края вокзального здания и выглянул из-за угла. Внезапно отпрыгнув, он схватил Еву за плечи и, с силой вытолкнув её вперёд, вдруг чужим, с командирскими жестяными раскатами голосом, рявкнул:

– Эй, магзели! У девчонки рыжьё! Упаковать её!

Вытолкнутая Филатом из-за здания вокзала, Ева оказалась между двумя мужчинами, для которых её появление стало ничуть не меньшей неожиданностью. Опомнились они быстро. Один подскочил к Еве и схватил её за руку, случайно коснувшись притаившегося под курткой кото-шмеля. Что было дальше, Ева не поняла, но магзель с воплем отдёргнул руку.

Второй бросил в Еву скомканный носовой платок. Развернувшись в воздухе, платок превратился в грубое холщовое покрывало, которое должно было захлестнуть Еву, но налетевший порыв ветра отнёс его в сторону. Мазнув девушку по щеке, покрывало опутало самого магзеля, и, превращённый в огромный кокон, он забарахтался на асфальте.

Увидев, что промахнулся, первый магзель выхватил из воздуха блестящее блюдо – и оно вдруг стало выпуклым щитом. Магзель начал теснить им Еву к стене вокзала, но у него за спиной мелькнул коварный стожар. Он театрально раскинул руки с разведёнными пальцами и резко свёл их вместе.

Воздух тонко и жалобно свистнул флейтой-пикколо, и жестяное колено водосточной трубы, сорвавшись с высот Ленинградского вокзала, ударило в центр вскинутого щита. За первым коленом полетели и другие... Ева ящеркой метнулась вдоль стены вокзала. Она ещё не укрылась, а по щиту вслед за трубами уже барабанили острые, неведь откуда взявшиеся штырьки от электросварки. Спасаясь от них, магзель опустился на одно колено и прикрыл щитом голову. Сверху, хлопая листьями, летело кровельное железо. Со всех сторон тяжело катились крышки канализационных люков. Их было не меньше сотни. В одно мгновение герой со щитом превратился в огромную кучу металлолома и исчез из виду.

Рядом с Евой кто-то хрюкнул от смеха. Филат сидел на асфальте и, трясая головой, переводил дыхание.

– Сорок капов и пятьдесят два... – едва выговорил он. – Итог: девяносто два капа! Мамочки, я ухлопал двух магзелей, потратив всего девяносто два капа!

– Ты гад! Гад, гад! – закричала Ева.

Стожар перестал смеяться.

– Почему гад? – спросил он с жадой самопознания.

– Вытолкнул меня к этим!

– А что мне оставалось? Нас всего пара шагов разделяла, а ты так ужасно светишь рыжём! Ты его даже не прячешь!

– Я не умею!

– Вот! Не умеешь!

Грохот наконец затих. Последний припозднившийся люк не докатился до кучи и, закрутившись, мирно улёгся на асфальте. Огромная куча железа, а немного в стороне – барахтающийся, вполне себе целый кокон. Маг смотрел на Еву злобными глазами и во всем случившемся с ним явно обвинял её.

– Как ты это устроил? – спросила Ева, возвращаясь к Филату.

– Боевое искусство стожаров. Одержать победу, истратив очень мало магии... Всё, что надо, – поймать чужую магию в момент её зарождения и чуть-чуть подправить.

– Как?

– Очень просто. Например, я знал, что у них платок: магзели всегда его носят – любимое их средство задержания. Думаешь, зачем я тебя вытолкнул? Мне нужно было, чтобы ты оказалась между ними. Потому что платок я мог отклонить совсем немного. Помнишь порыв ветра?

– А щит?

– Щит – это их новая технология! Отражает всю магию. Атаковать щит бесполезно, и поэтому я просто придал ему новые свойства. Точнее, одно-единственное и то временно, на несколько секунд. Свойство притягивать металлы. Это стоило мне пятьдесят два капа – очень слабая магия.

– И что? Всё железо в городе собралось на эту слабую магию?

– Ну, во-первых, не в городе. А во-вторых, своя же магия щита и создала магнитную силу... Сам щит подтаскивал железо – и сам же от себя защищался... Недоработанный артефакт, между нами говоря... Но я понимаю их технические проблемы. Если бы магзели сделали щит экранированным вообще от всего, тогда бы он элементарно залип в пространстве... Потому что поди-ка отличи, где просто воздух, где лёгкий ветерок, а где атакующий ураган... – Филат вскинул голову, к чему-то прислушиваясь. – Нам пора. Шагай спокойно! По сторонам не глазей! Взглядом ни с кем не встречайся! Иди уверенно. Представь, что у тебя есть некая цель – допустим, успеть в камеру хранения, – а все остальные тебе только мешают... Вдруг они тоже в камеру хранения, займут очередь перед тобой и устроят скандал, что на их чемодане муха посидела – подозревай их! Держи эту цель в голове, представляй! У всякого порядочного обывателя всегда есть такая близкая цель. Она отпечатывается во всей фигуре, и магзели издали понимают, что человек не шатается, а куда-то там спешит... – Он потянул Еву за руку.

Площадь они пересекли наискосок, петляя между такси. Из такси выгружались люди, хватали чемоданы. Задние машины нетерпеливо сигналили. Никто ни на кого не обращал внимания. Они почти дошли до моста, когда стожар опять забил тревогу.

– У нас сложности! – быстро шепнул он Еве. – А теперь попытайся не обижаться!

– На что?

– На меня! – и он сильно дёрнул её за серёжку.

У Евы слёзы из глаз брызнули. Она взвыла и бросилась на Филата с кулаками. Тот защищался, уклоняясь от её ударов, и, пытаясь успокоить, выставлял ладони. Прохожие оглядывались на них с возмущением, некоторые явно прикидывали, не разнять ли их, но нападала девушка, а парень скакал миролюбивым зайчиком и явно потешался.

– А ну стоп! Мир-мир-мир! Ты мне чуть палец не вывихнула! Это что ещё за фокусы?! – неожиданно крикнул Филат, и Ева отпрянула, потому что голос, которым он это крикнул, был женским, высоким. Более того – это был её собственный голос!

– Вот! – похвалил Филат всё тем же украденным голосом. – Больше колотить меня не надо! Ты всё отлично сыграла! Арматур малай Тимир-батыр мало-мало проехал...

– Какой «арматур»?!

– Магшину синюю видела?

Ева смутно припомнила, что, пока она колотила стожара, мимо медленно проехала легковушка с привязанной к верхнему багажнику детской ванночкой.

– Машину? С ванночкой?

– С какой ванночкой?! Какую машину?! Магшину! Это магзели чесали с телепатическим сканером! А блокироваться ты не умеешь – все мысли наружу! Вот и пришлось притвориться, что ты устраиваешь мне семейную сцену! Вещь, конечно, неприятная, но с точки зрения телепатического сканера – невинная.

Тут он закашлялся, и Ева узнала кашель своей мамы. Голоса и звуки стожар подделывал легко. Без растягивания рта и заметного напряжения горла. Филат воспроизводил их как птица, которая вообще не видит разницы между голосом человека, гудком паровоза, скрипом двери и собачьим лаем.

– Откуда ты знаешь, как кашляет моя мама? – спросила Ева.

– Услышал мельком, когда под вашими окнами ходил... А к передразниванию у меня с детства дар! – ответил Филат и без усилия, как шелуху, отбросив чужой голос, вернулся к собственному: – Уходим, быстро!

– Никуда я с тобой не пойду! – упрямо сказала Ева.

Филат драматично вскинул руки:

– Как это не пойдёшь? Ты ещё спасибо скажи, что я с тобой вожусь! Только подумай, во что ты меня впутала! Мало того что четырёх магзелей упаковала – ты ещё им карманы пропылесосила!

– Я?!

– А кто – не я же! Кого они видели? Тебя! Я остался за кадром. Кого паутиной подцепили? Тебя! Желудь чей в кармане? Твой! Рыжё у кого? У тебя! Я-то тут при чём?.. У меня магии меньше, чем у новорождённой феи, не отведавшей ещё цветочной пыльцы!.. Ну всё! Если помощь не нужна – тогда пока! – И Филат небрежно пошёл, сунув руки в карманы.

Ева, опомнившись, догнала его:

– Я с тобой!

– Прекрасно! Теперь под мост!.. Ставим себя на их место. Сбежала девчонка с рыжём... ухлопала четверых... какой будет их ответный ход?

– Эй! Неправда! – возмутилась Ева.

– Привыкай: у магзелей правды нет, есть факты... Первым делом подтянут силы и оцепят площадь. Кого-то пошлют проверять электрички, кого-то в метро... – Внезапно Филат поймал Еву под локоть, заставив её обогнуть тумбу с театральными афишами.

– Зачем? – задыхаясь от быстрой ходьбы, выдохнула Ева.

– Как зачем? Посмотри на афишу!

– И что?

– Внимательнее посмотри!

Спектакль назывался «Чудес не бывает». И тут же сами факты доказывали обратное. Лицо с бумажной афиши ёрзало глазками по улице.

– Не бойся! Он только вблизи видит! Ишь чего учудили! Афиши оживили и шпионить заставили... Сколько ж магров надо было ухнуть! – Филат покачал головой. – И тот пост у турникетов! Целых пять магзелей! Там обычно и одного не стоит... Кому-то ты очень насолила! Вот только интересно – кому? Рыжья-то у тебя не особо много... – Филат цокнул языком и вдруг потянул Еву направо, к магазину с зеркальной витриной. – Давай мы тебе внешность слегка подправим! Конечно, серьёзные маги, которые выше четвёртого уровня, тебя и под мороком увидят, но против афиш и прочей мелочёвки сработает на ура!

Он ещё только обещал, а из кармана уже была извлечена грязная соломенная шляпа с цветочками – крошечная, не больше рублёвой монеты. Стожар подул на шляпу, заставив её увеличиться, после чего нахлобучил её Еве на голову.

– Вот теперь вы красавица! Очень-очень вам идёт! Ещё бы шарфик добавить! Лучше всего светленький! – сказал он льстивым женским голосом, явно украденным у какой-то продавщицы.

Филат развернул Еву за плечи и придвинул к зеркальной витрине. Ева увидела мощную, как ярмарочный борец, старуху, ярко накрашенную, недовольную, всем своим видом сообщающую: «Сегодня я никого ещё не разорвала в клочья!»

– Ой, мама!

– Какая же это мама? В том магическом магазине, где я это... выменял, на шляпке было написано «Кошмар апа». Баба-яга, стало быть... Вот теперь пусть афишки тебя сколько угодно разглядывают! А мы прорываемся к Кызыл Майдану!

– Куда-куда?

– Ты что, не местная? Кызыл Майдан – Красная площадь. Но на сам Кызыл Майдан нам не надо. Нам поближе, в «Тихую пристань». – Филат перестал играть с голосами и стал серьёзным. – Местечко, конечно, сомнительное. Зато туда магзели меньше чем отрядом не суются, да и то не часто!

– А что это за «Тихая пристань»?

– Трактир один, для своих... Надеюсь, меня там не забыли. Тут недалеко, на Сретенке!

– Далековато.

– Мы по-умному срежем, через старую Пушкарскую слободу. Артиллерии фузилеры там проживали и пороховые мастера. А уж вдовы пушкарские – это отдельная тема! В сказках стожарских о них рассказывается! Знаешь, что такое вдова пушкаря? Это царь-пушка, да ещё умноженная на царь-колокол! Пушкарки вечно глухие были, с ними по-тихому нельзя. Так что вдовы у них шёпотом скажут – свечки гаснут! – Выражение лица у Филата стало восхищённое, даже просветлённое. Вспомнилась ему мама-стожарка, праправнучка пушкарской вдовы. И как она открывала голосом форточки, а уж чашки, которые она бросала в стену, не осколками падали, а рассыпались в пыль. – А через слободку, стало быть, к купцу Малюшину, в «Тихую пристань»... – продолжал Филат. – Сретенка, дом девять. Меблированные комнаты, торговые лавки, аптека и трактир. Не знаешь Малюшина? Он, правда, умер лет двести назад, так что теперь его редко когда встретишь.

Поняв, что жизнь никогда уже не будет прежней, Ева издала долгий воющий звук. Стожар внимательно прислушался к её вою.

– У тебя, часом, оборотней не было в роду? Уж больно натуралистично воешь... Ты не бойся сознаться... Мы, стожары, по легенде от керкопов свою историю ведём. Был такой народец, который у Геракла палицу и шкуру немейского льва одолжил. Геракл обозлился, в погоню кинулся, чуть их всех не перебил. А я так думаю, что смотреть Гераклу лучше надо было! Наверняка где-то в траве монетка медная лежала или огрызок. А он так сразу руки распускать – нехорошо!

– Так это ведь давно было!

– Давно. Но всё это в стожарских сказках осталось. А вот, к примеру, Карл Великий – ну в честь которого все правители стали называться королями, – был очень толстый. Но тогда большой живот был настолько в диковинку, что женщина, едва увидев толстого мужчину, сразу в него влюблялась. Думала, может, раз он такой толстый, то и я с голоду не помру, и детишки как-нибудь прокормятся. И вот он, этот Карл, настолько часто ел, что даже ночью у его кровати стоял золотой кубок с вином и на серебряном блюде лежал кусок жирного мяса. И тут однажды он просыпается, начинает шарить – и видит, что блюдо с кубком исчезли, а на их месте стоит деревянная миска с варёным горохом и горшочек с чистой водой. Ну разве не прелесть! За водой-то стожарам шут знает куда бегать пришлось!

Беседуя с Евой, Филат задумчиво поглядывал на неё. Соображал, решал для себя, сомневался. Словно усматривал в Еве что-то очень его интересующее, но вместе с тем и не знал, как к этому подступиться.

– Ножками... Ножками работаем. Стожара ноги кормят! – приговаривал он.

Ева стожаром не была, и его скорость выдерживала с трудом. Филат ловко петлял между домами, предпочитая тихие переулки оживлённым улицам. Если где-то попадался забор, он не смущался и быстро, раньше, чем Ева успевала испугаться, почти перебрасывал её через него. Потом и сам перебирался. В худых руках его таилась сила железа. Карабкался он с лёгкостью необыкновенной. Где можно было зацепиться хотя бы пальцем, он тут же цеплялся, перехватывался и карабкался дальше. А уж прыгучестью обладал кошачьей. На преграды выше своего роста заскакивал, просто коснувшись их рукой.

Но сам Филат был собой недоволен:

– Ослаб я как-то... Год в ларце – скверная штука!.. Устала?.. Потерпи ещё чуть-чуть... Перемахнём на ту сторону строительного котлована, дальше лёгонькая двухметровая стеночка – и мы почти на месте... Так – пара-тройка улиц! Давай подсажу! Как упадёшь – вопи!

Упав, Ева действительно завопила и сразу тревожно вскинула глаза. С ближайшей остановки на неё изумлённо глазели человек десять. Толкнув Филата локтем, она незаметно показала ему на них:

– На нас смотрят!

– Ещё бы! Притворяются, будто никогда не видели бабульку, спрыгивающую с забора...

– Они нас фотографируют!

– Человека под мороком фотографировать бесполезно... Ну ладно, если тебя это всё напрягает, давай поймем такси!

Осматриваясь, Филат двинулся по улице, внимательно разглядывая столбы.

– Что ты делаешь? Разве такси не через приложения заказывают? – спросила Ева.

– Через приложения заказывают не такое такси. Наше ищут иначе...

На одном из столбов обнаружился знак, который Ева поначалу приняла за сварочный шов. Стожар коснулся его пальцем.

– Ишь ты... не чистят его, грязью забрызгало... Никто работать не хочет! – сказал он и сунул грязный палец в рот. Этот способ стерилизации предметов казался ему самым надёжным.

Не прошло и минуты, как откуда-то вынырнул невероятный рыдван. Жёлтого цвета, с обычными для такси шашечками, но без стёкол и без колёс. Отсутствие колёс ничуть не мешало рыдвану лихо входить в повороты. Задние двери, утраченные в уличных боях, у него были приделаны от другой магшины.

Таксист открывать двери не стал и просто вытек через лобовое стекло. Ева едва не охнула. Перед ней был джинн.

– Куда едем?

– Сретенка, девять.

Таксист пожевал губами:

– Срэтенка? Далеко, брат. Два магра, брат.

– Один магр. Не зеленю, а рыжьём. Платит она... – сказал Филат негромко.

Таксист искоса взглянул на Еву, что-то углядел и очень оживился:

– Договорились, брат! Такой хороший большой мама за пятьдесят капов довезу! По рукам, брат?

– Идёт! – кивнул стожар, и его рука провалилась в мягкую и бесплотную руку джинна.

Джинн подобострастно распахнул двери. Ева и Филат расположились на заднем сиденье. Внутри такси выглядело тоже не слишком презентабельно. Двери оказались искорёжены и обуглены, а из прожжённого сиденья торчали пружины.

– Что с магшиной? – спросил Филат.

– Бэда! Дэтей много, брат, магшина старый!

Джинн плюхнулся за руль и погнал. Летел он как на пожар. Большинство перекрёстков не переезжал, а со страшным грохотом перескакивал. Удар об асфальт всякий раз швырял Еву и стожара вперёд. Ева уже сомневалась, что добираться на такси было хорошей идеей. Лучше через заборчики попрыгать. Разницы почти нет. Только там ты сам прыгаешь, а тут тебя без подготовки швыряют.

– А почему никто не замечает, что мы без колёс? – шёпотом спросила Ева.

– Морок... – пояснил стожар. Он восседал рядом с Евой как божок с лицом, сообщаящим миру: «Красиво жить не запретишь!»

Джинн повернул к ним голову. Один его глаз переполз за затылок, продолжая следить за дорогой.

– А это, брат, мои дэти, брат! – сообщил он и ткнул пальцем в снимок, прикреплённый на приборной панели.

Ева попыталась сосчитать детей, но сбилась на шестом десятке. Малютки джинны напоминали крошечные привидения. Белые шарики с неоформившимися, из облака вылепленными лицами.

– А сколько у вас детей? – спросила Ева робко.

– Двести, сэстра! – сказал джинн самодовольно. – Но я недавно женат, сестра! Я, сэстра, ещё молодой!

– Ты что, не знала? – шепнул Филат. – Джинны – восточные элементали воздуха. Джиннчики рождаются на свет крошечные, чуть больше фасолины, а потом быстро растут.

Такси пронеслось через переулок, шахматным конём перепрыгнуло пару перекрёстков и остановилось, врезавшись в одну из припаркованных машин. Джинн сильно не заморачивался торможением.

– Приехали, брат! Срэтенка!

– Огромное спасибо! – сказал стожар. – Ева! Коснись его руки и подумай «пятьдесят капов...».

Таксист цокнул языком:

– Нэт, сэстра! Нэ пойдёт! Быстро довёз! Нэ думай «пятьдесят капов»! Болше думай!

– Ну хорошо! Ева, подумай «один магр»!

Джинн ухмыльнулся:

– Нэт, сэстра! Нэ думай «один магр». Болше думай! Силно много думай, сэстра!

– Куда уж больше?! – возмутился Филат. – Мы договаривались на магр. А вы сказали «пятьдесят капов»!

– Правильно, брат: пятьдесят капов! – охотно согласился джинн. – Но нэ за вэсь путь, брат! Пятьдесят капов – это чтобы сэсть! А чтобы ехать – это другое! С теэбя сорок магров рыжьём, сэстра!

– ЧТО?! – вскипел стожар. – Да за сорок магров можно половину твоей магшины купить!

– Почему полмашины? Вся магшину можно, брат! У меня магшина плохой! Но мы так договорились, брат! – спокойно сказал джинн. – Сорок магров рыжьём за проезд!

– Тогда мы вообще не заплатим! – вспыхнул Филат. – Ева, уходим!

Он попытался открыть дверь, но та не поддавалась. Так вот почему двери изнутри такие искорёженные! Они были явно не первыми пассажирами, старающимися отсюда выбраться.

– Бэсплезно, брат! – сочувственно сказал джинн. – Полный магический блокировка, брат! Хоть тараном бэй, брат! – Физиономия у него была торжествующая. Рот, нос и оба глаза сползли в одну кучку.

– Прекрасно, брат! – сказал Филат. – Нас не выпускают из такси! Ева, мы здесь поселяемся!

Джинн пожал плечами:

– Сколко угодно, брат! Хоть на мёсяц. Толко за отдельную плату, брат! Сто магров в день! И рыжьё запрещено, брат! Вы нарушаете закон. Ай-ай!

Стожар в последний раз врезал по двери локтем и задумался. Джинн самодовольно скалился.

– Ты тоже нарушаешь закон, брат! – сказал Филат.

Джинн вздохнул, раздувшись в маленькое облако.

– Что дэлать, брат? У мёня дэти много! – сказал он.

– Ладно... – кивнул стожар. – Я понял, якорный бабай. Ты думаешь, ты самый хитрый? Прекрасно! Ева, ори «Я принцесса! Меня похитили!». Запомнила? Ори вон туда, в оповещатель! – Он показал на большое, словно из воска вылепленное ухо на приборной панели джинна. Джинн торопливо попытался накинуть на ухо тряпку:

– Какой такой прынцесс? Нэт тут никакой прынцесс! Никто тэбе нэ поверит, сэстра!

– Какая разница: поверят или нет. Когда Ева начнёт вопить, сработает оповещающее заклинание. Будет зафиксировано обращение. И обязательно пришлют экипаж на проверку. А это международным скандалом пахнет. Кстати, твоё корыто давно проходило магосмотр? Талисманы подвязаны правильно?

Ева набрала в лёгкие воздуха, но Филат легонько нажал ей пальцем на руку, чтоб повредила. И Ева сразу же вспомнила, что они и сами скрываются. Причём рискуют куда больше, чем джинн.

Однако таксист этого не знал и был склонен пойти на мировую.

– Зачем ругаешься, брат? Зачем обижаешь? Плати два магра – и иди! – сказал он.

Следуя указаниям стожара, Ева коснулась руки таксиста. Запястье у джинна было воздушное, но всё же осязаемое, будто погружаешь пальцы в липкий кисель.

– Сосредоточься! Ничего представлять не надо. Просто подумай!

«Два магра», – послушно подумала Ева и почувствовала, как из её пальцев в джинна перетекла жёлтая капля.

– Спасибо, сэстра! Дэткам, сэстра! Много дэтков у мёня! – умилённо сказал джинн, и двери такси распахнулись. – Если нужно будэт куда поехать – зовите! Абу Али Хусейн ибн Ибрахим аль-Хайям ан-Нишапури! – крикнул он им, высовывая голову из магшины.

– Ага. По пятьдесят капов за метр... – сказал стожар.

– Нэт, брат! Уже дешёво будэт! Договоримся, брат! Счастливо, сэстра! Нэ свэти так рыжьём! – крикнул Абу Али Хусейн, и такси умчалось, совершая невероятные прыжки через мешающие ему автомобили. Теперь, когда пассажиров не было, Абу Али вообще с магшиной не церемонился. Магия магшины заключалась явно не в тех её частях, которые можно испортить или разбить.

– Уф! Опять чуть не влип в историю! – покачив головой, сказал стожар. – С джиннами всё непросто... Пообещают не убивать тебя – а потом скинут с ковра-самолёта.

– Нарушат клятву?

– Почему? Они обещали не убивать, а про не скидывать с ковра речи не было. Убила тебя земля! Или обещают не проливать кровь – и тут же утопят. В общем, Восток – дело тонкое.

– В ларец тебя тоже джинн засунул? – спросила Ева.

– Засунул-то джинн, да открыл его не джинн... – непонятно объяснил стоjar.

– А каково это – сидеть в ларце?

Филат подвигал губами:

– Время проходит как длинная размазанная ночь, и физически ты не меняешься. Что-то такое бредится. Словно тебя кто-то напугал, ты в ужасе восклицаешь «О-о-о-о-хо-хо!» – а это всё тянется, тянется до бесконечности, а когда наконец доходишь до «хох», то уже всё... Ларец открыт, и ты на свободе!

– Ты видел всё, что было в вагоне?

– Кое-что видел, а потом сразу спрятался... – неохотно ответил стоjar и заметно помрачнел.

День был тёплый. На новой детской площадке недалеко от Сретенского монастыря носилась детская мелочь. Рядом на лавке дремал смешной старичок в яркой лыжной шапочке. Один мальчик закричал приятелям:

– Давай в вампиров! Я всех кусаю, а вы убегаете!

Старичок в лыжной шапочке открыл глаза и, поморщившись, спросил:

– Господа, а нельзя поиграть во что-нибудь здоровое? В салки, в вышибалы? Кирпичами, на худой конец, покидаться? Что ж вас тянет на всё такое маргинальное?

Дети тревожно покосились на него и на всякий случай отбежали.

– Какой дед интересный! – шепнула Ева.

– Да, неплохой. Он завязал... – рассеянно ответил Филат.

– Завязал? С чем завязал?

– С прошлым. Они с Дракулой вместе начинали, но потом разошлись дорожки. Вначале этот дедок лавку мясную открыл, это где-то при царе Борисе было, потом, в петровские времена, занялся помидорами – они тогда в новинку были... Это он первым в Россию помидоры привёз и моду на них ввёл. Они тогда назывались рото d`ого – «золотое яблоко» или «яблоко любви». Делали из них приворотные зелья! Считалось, что невозможно не влюбиться в женщину, которая накормила тебя помидорами, а цветок помидора приколола на платье!

Ева с тревогой взглянула на старичка. Тот, почувствовав её взгляд, привстал и приветливо улыбнулся, продемонстрировав желтоватые зубы, из которых глазные выглядели заметно белее. Ева в ответ улыбнулась ему тоже.

– Правильно всё сделала! – шепнул Филат, незаметно стиснув ей руку выше локтя. – Прямо учить ничему не надо! Когда мы улыбаемся, мы показываем противнику, что у нас тоже имеются зубы и мы тоже можем кусаться... Мол, лучше будем друзьями!

Старичок, видно, тоже истолковал улыбку Евы в таком же стоjarском смысле, потому что галантно раскланялся, шаркнув по песочку ножкой. Тут надо не забыть, что дело происходило на детской площадке и вокруг бегали хорошо упитанные, в вампиров играющие дети.

Кивнув старичку, Филат потащил Еву по направлению к ближайшему дому. Закруглённый угол этого дома смело нарушал всякую строительную геометрию, выступая, как нос корабля. Дом был подобен «Титанику» – громадному, не затонувшему, невесть какими волнами занесённому в центр сухопутной Магсквы. Круглые иллюминаторы стали полукруглыми частыми окнами, железные бока окаменели, парходные трубы превратились в кирпичные.

«Ул. Сретенка, 9», – прочитала Ева на синей вывеске.

– А там, куда мы идём, вампиры есть? – спросила она мнительно.

– Вряд ли. Хозяин «Тихой пристани» на дух их не переносит. Какая-то запутанная семейная история с покусанными родственниками. Вон, значок видишь? – Филат кивнул на едва заметный знак в арке, нанесённый из баллончика. Знак походил на головку чеснока. – Это означает, что упырям вход воспрещён. Но они всё равно временами заходят поскандальить. Мол, не толерантный подход, предвзятое отношение и всё такое. Такие битвы тогда начинаются – вся Сретенка ходуном ходит. Видишь? – Филат ткнул пальцем в водосточную трубу, из которой был выгрызен – это было ясно по отпечатавшимся зубам – приличный кусок.

Чем ближе подходил Филат к дому-«Титанику», тем озабоченнее становился.

– Погоди... Давай пару минут посидим... Тревожусь я за тебя... У тебя вроде рыжё есть – но ты ведь не маг? Больно уж странно себя ведёшь и ничегошеньки не знаешь!

Место, где стожар предлагал посидеть, было укромное: крошечная скамеечка, сваренная неизвестным умельцем из железнодорожных рельсов. Располагалась она метрах в тридцати от дома-«Титаника». Рельсы были холодные и мокрые. Ева открыла рюкзак, мучительно прикинула, на какой из учебников сесть, и выбрала алгебру.

Стожар уселся рядом, вытянув ноги. Ноги у него были худющие, вытертые на коленях джинсы пузырились и не отличались чистотой.

– Чутьё у меня на это дело, стожарское чутьё. Рыжё у тебя интересное! С потолка такое не падает. Где надыбал? – спросил Филат.

Под мышкой у Евы шевельнулся котомель.

– Нигде, – с вызовом ответила Ева.

– «Не знаю» или «не скажу»? Ладно, дело личное... Все имеют право на тайну. Я в электричке тебя видел и знаю, что ты не с этими... то есть не с Пламмелем, и от магзелей бегаешь... Это мне понравилось. Хорошо, когда человек сам за себя и никому не верит... – Стожар взглянул на закруглённый дом. – Слушай... Местечко тут аховое... ты держись со мной рядом и помалкивай... морок у тебя хороший, отпугивающий, с истерическим оттенком. Маги ниже четвёртого уровня его не просветят, а которые повыше, те, если и просветят, помалкивать будут, приглядываться... Народ тут осторожный. Элементали нейтралитет держат. Сказочники тоже... Они если и увидят что в тебе, магзелям докладывать не станут. Им что магзели, что люди – без разницы... Они в наши разборки не встраивают, как мы не встраивали бы в разборки мух и, допустим, комаров. Понимаешь?

– Нет. Кто такие сказочники?

– Русалки, феи, лешие, кентавры, дриады, домовые и прочие антропоморфные, которые раньше нас появились, в эпоху молодого мира... Они настолько древние, что им отдельных людей даже особого смысла запоминать нет – у нас слишком быстро меняются поколения... Разве что какой-то слишком уж интересный человек!

– А элементали кто такие?

– О, элементалей целая куча! Духи стихий. Обычно выделяют духов воздуха, огня, земли, воды... Но на самом деле существуют ещё плазма, звук, молния, свет... Тут лучше не вникать – всё равно не разберёшься. Например, элементали воздуха. Они есть?

– Ты их сам только что назвал!

– А что такое воздух? Нету никакого воздуха! – Филат вскинул руку, загибая пальцы. Пальцы у него были сильные, длинные, но сомнительной чистоты и с обкусанными ногтями. – Воздух – это... вспомнить бы... двадцать один процент кислорода, семьдесят восемь процентов азота, один процент аргона и полпроцента углекислого газа. И вот какой-нибудь элементаль, допустим, повелевает азотом. Другой пытается рулить аргоном, а третий – кислородом. Конечно, всем кислородом он повелевать не может, один дух в смысле... У него на это магии

бы не хватило. Какая у него сила? Ну магров в триста, примерно. На триста магров можно испортить погоду над какой-нибудь деревней, но на город уже сил не хватит... Ясно?

Ева вежливо замычала. Мычание – звук универсальный. Его можно истолковать в самом разном смысле.

– Опять же! Например, элементарь кислорода... Он, получается, к воздуху приписан, раз кислород? А в воде – H_2O – кислорода что, нет? Значит, он, получается, и по ведомству воды проходит? А огонь? Ему для реакции кислород не нужен? А водородные элементарь? Эти вообще из цикла «в тихом омуте»... Сидят такие тихие-тихие, пальцем в носу ковыряют, а чуть что – начинают всех запугивать водородной бомбой! – Внезапно Филат замолчал и напрягся.

К дому номер девять по Сретенке, раскачиваясь, приближался странный тип. Был он огромного роста, очень плотный. Земля под ним содрогалась. Порыв ветра распахнул его расстёгнутый плащ, и Ева увидела тело из красной глины. Внутри глины различался ещё один силуэт – как бы человек из льда. Внутри ледяного человека, примерно на уровне его грудной клетки, помещался маленький силуэт человека. Этот был уже ничем не заполнен, и грудь гиганта зияла пустотой.

Великан дошёл до антикварного магазина – крошечного, занимающего буквально одну комнату на первом этаже, – быстро оглянулся, что-то сделал с дверью и исчез.

Ева дико уставилась на Филата:

– Ты видел?!

– Ага... – кивнул он. – Прямо без морока шастает! Хотя, думаю, морок у него всё же имеется... Которые совсем без магии и не сказочники – те его обычным человеком увидят.

– Кто это?

– Албыч. Личность уникальная. Голем, потерявший душу. Слышала что-то про големов?

Ева вспомнила гиганта в электричке, мраморную голову которого расколол Пламмель.

– Даже видела. Атланты разве не големы?

– Атланты – големы для армейских и полицейских нужд. Албыч умнее любого из них в сотню раз, да и магии в нём гораздо больше.

– А зачем изначально лепили големов?

– Для совершения какой-либо разовой миссии. Разрушить стену города, раскидать неприятельское войско. Големы не боятся стрел и пуль. Первое время главную миссию голема записывали прямо у него на лбу.

– А когда миссия была выполнена, голем рассыпался на части? – спросила Ева, что-то смутно припоминая.

– Поначалу так и было. А потом госмагов задушила жаба, и это правило стали хитро обходить. Чтобы голем не рассыпался, в голову ему вкладывали бумажку с текстом, а на бумажке писали что-то абстрактное – такое дело, которое нельзя выполнить целиком и полностью. Ну там «Мой труд – родину защищать!» Не «защитить», а именно «защищать». Поди пойми – выполнил ты миссию или можно ещё маленько позащитять?.. Но с Албычем тут всё сложнее. Он не обычный голем.

– А какой?

– Единственный в своём роде. Обычные големы туповаты – но не Албыч. Албыча кто-то сделал много лет назад. Многие говорят, что Фазаноль, хотя прямых свидетельств нет, – по лицу Филата прошла тень какой-то давней тревоги. – Албыч – трёхконтурный голем. Снаружи он из глины, внутри – голем из льда. Это даёт ему интеллект. Все ледяные существа имеют способности к математике. Строение кристаллов, сложнейшие формулы – это им как семечки щёлкать.

– А лёд не растает?

– Пока, как видишь, не растаял. И третий контур внутри Албыча – это огненный человек. Это его душа.

– Но там ничего нет!

– Да. Душа потерялась. Причём уже давно. Албыч ходит и её ищет. А пока что он без души, и связываться с ним тебе не советую. Опасный очень тип, сильный и умный. Магзели давно к нему подбираются, да всё впустую.

– А для какой цели был сотворён Албыч? – спросила Ева.

– Быстро схватываешь... А вот не знаю! Ну, может, Фазаноль знает, если правда, что он его сотворил. Хотя, видишь, за двести лет Албыч так и не выполнил свою цель. То ли цель слишком большая, то ли что-то пошло не так, когда потерялась душа. Это единственный в мире голем с душой, хотя и потерянной.

– А буквы на лбу нельзя прочесть?

– Буквы на лбу давно уж писать перестали. Некоторые, правда, голему татуировку какую-нибудь за ухом сделают мелко, а порой напишут непонятное пророчество: «Этот голем задует солнце!» И несчастный голем, всё на свете перепутав, всю жизнь бежит за Пушкиным и дует на него, потому что Пушкин – солнце русской поэзии.

– Кто такой Фазаноль? – спросила Ева.

И сразу же почувствовала, что последний вопрос был лишним. Стожар тревожно оглянулся, проверяя, не стоит ли кто за спиной. Потом стал грызть ногти – ну что за детский сад! Раз уж взяли тебя героем – так будь хоть в привычках своих величествен!

– Фазаноль... У него огромные запасы жёлтой магии. Колоссальные! Его ищут, конечно, но вряд ли когда-нибудь найдут.

– А откуда он взялся?

– По слухам, Фазаноль родился в западных губерниях Российской империи лет около двухсот назад. Детство провёл как положено всем злодеям. Не кушал кашку, огорчал маму, дёргал кошек за хвост. Потом подрос и стал сидеть в отцовской лавке. Отец чем-то приторговывал, что-то менял, вроде даже скупал краденое. А однажды – неизвестно как – Фазаноль получил очень много жёлтой магии. Говорят, он слился с титаном или с какой-то древней магической тварью... То ли он её убил, то ли как-то иначе. Тут никто ничего не знает... С этого мгновения сын лавочника просто исчез.

– Жёлтая магия – это рыжё? – спросила Ева.

– Само собой. Его извлекают из магических существ! Рыжё – это их жизненные силы! Когда животное тебя любит, оно радостно делится этими силами и само не ослабляется... Ну вроде как солнце, отдающее свой свет. Или как шерсть у овцы. Её стригут, но овца от этого не сильно страдает. А вот когда ты животному враг... Тут они рыжё обычно не отдают – их надо убить, ранить, всячески ослабить. Вроде как сдирать шерсть вместе со шкурой. И так долго бедолаг преследовали и убивали, что они уже человеку не верят – прячутся, нападают первыми, драконы выдыхают огонь... кто как может...

Ева кивнула. Что-то уже начинало складываться.

– А откуда вообще взялась жёлтая магия?

– Жёлтая магия – магия молодого мира.

– Первомира?

– Да. Вроде этого. Вспомни греческие мифы! А ведь это ещё отголосок! Когда появились греки, чудеса уже шли на убыль. Магия иссякала. Но и тогда ещё оставались титаны, циклопы, горгоны. Стоглавые чудища, сторукие, стоногие – какие угодно... А до этого что творилось в молодом мире? Представить себе боюсь! Какая-нибудь скромненькая с виду зверушка могла выпустить пятиметровый фонтан плазмы, после чего скромно спрятаться под листик. – Стожар в восторге подпрыгнул, забыв, что сваренная из рельсов скамейка скользкая. Съехал с неё, свалился на спину, но и на асфальте продолжал радостно говорить: – И главное!!! – до сих пор непонятно, откуда магия бралась. Ну что сила первотворения – это ясно. Но вот как она распространялась? Одни считают её остаточной энергией создания молодой Земли. Другие –

что тут как-то замешаны вулканы, потому что многие чудища именно из недр прорываются... Третьи говорят, что магия выступала по утрам как роса – мелкими такими каплями, и были эти капли повсюду, миллиарды капель! Они испарялись, смешивались со всей остальной водой, включались во всеобщий круговорот и таким образом наполняли Землю чудесами. Потом, уж не знаю по какой причине, всё стало оскудевать, и теперь магии не так уж и много... Её приходится буквально наскребать по каплям! Оттого и слово «кап» – минимальная единица измерения магии. – Филат поёрзал лопатками и забрался на лавочку. – Например, чтобы поднять вон ту бумажку... – он кивнул на обёртку от шоколадки, которую ветер толчками двигал по улице, – мне нужно потратить пять капов. Это не очень много, но лучше я подойду и подниму её рукой, потому что... пословицу знаешь?

– Копейка рубль бережёт?

– Это у вас. У нас – кап магр бережёт... Но суть ясна!

– А чтобы поднять вон ту машину, сколько нужно капов? – спросила Ева, кивнув на припаркованную легковушку.

– Капов? Тут уже не капов – думаю, магров пять... В одном магре сто капов. Так что машинами швыряться – удовольствие дорогое, да и запреты опять же. Не стоит лишний раз к себе внимание привлекать. Людям потом, правда, память подправляют, но это большая возня...

– То есть магиры – это деньги?

– И деньги, и не деньги. Это измерители мощности магии. Но одновременно как бы и деньги, потому что их можно передавать друг другу. Например, ты могла бы передать мне своё рыжё... чисто теоретически... – Филат кашлянул с преувеличенной застенчивостью. – Всякое магическое действие сколько-то стоит! – продолжал он. – Вскипятить холодную воду до состояния горячей – примерно девять капов. Это если стакан. На чайник потратишь гораздо больше. Поэтому мы магию бережём и пользуемся обычным электричеством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.